

Н. Рыбников.

БИОГРАФИИ

И ИХ

ИЗУЧЕНИЕ.

МОСКВА.—1920.

БИБЛИОТЕКА БИОГРАФИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА.

Н. Рыбников.

БИОГРАФИИ

И ИХ

ИЗУЧЕНИЕ.

==

МОСКВА.—1920.

Издание зарегистрировано и цена утверждена Государственным
Издательством.

Типографии П. Желудковой, Большая Якиманка, домъ № 32.

I.

Биография, как одна из форм общечеловеческой литературы, имела сравнительно большое распространение уже у древних народов. Так биографический характер носят египетские надгробные надписи, перечисляющие заслуги покойного, его отличия и награды, милости фараона, добрые дела и хорошие качества. Уже классическая древность дала целый ряд выдающихся биографов, каковы Тацит, Плутарх. Средневековые особенно богато биографиями святых; эти жития святых долгое время были любимым чтением в древней Руси. На смену житиям идут биографии в собственном смысле слова, как одна из важнейших и занимательных форм исторического изложения. Выбирая в качестве объекта жизнь, представляющую общий интерес, биография дает описание этой жизни, в большей или меньшей степени удовлетворяющее требованиям исторической науки.

Таким образом со стороны формы биография начинает подчиняться требованиям, выдвигаемым научными методами. Она уже не ограничивается простым перечислением фактов в жизни описываемого лица, она должна создавать цельный образ данной личности, его внутренней духовной стороны. Поскольку же биография имеет дело с человеческой личностью—она может представлять научный интерес и со стороны содержания, т.е. стать объектом исследования для наук, с той или иной стороны изучающих эту личность.

Правда, научный подход к биографическому материалу еще намечается, делаются первые робкие попытки взять жизнь человеческую, как объект изучения. Пугает сложность, многогранность этого объекта, его духовной внутренней стороны. Именно со стороны психологии, изучающей душевный мир личности, сделана первая попытка научного подхода к биографическому материалу, намечается новый *биографический метод* изучения душевной жизни. Для психолога систематическое изучение огромного числа биографий поможет, прежде всего, понять человеческую личность в целом, так как опытное экспериментальное изучение обычно имеет дело с какой нибудь отдельной сторокой данной личности. На основе же тех отрывочных данных, которые экспериментальная психология получает, изучая отдельные стороны психики, она бессильна воссоздать личность,

ибо в душевном мире целое не равно сумме слагаемых. „Аромат индивидуальности“ теряется при таком искусственном сведении в одно целое того, что необходимо должно быть рассматриваемо в определенном контексте, на фоне целостного переживания личности, как таковой. Далее, опытное изучение личности имеет дело с какой-нибудь одной стороной данной личности, в ее, так сказать, „динамическом состоянии“. Биографический материал, последовательно рисуя нам ту или иную личность, дает возможность рассмотреть эту личность в ее законченном, сложившемся виде, в ее „статическом“ состоянии.

Беря в качестве объекта изучения отдельное явление душевной жизни экспериментальная психология вырывает его искусственно из непрерывного потока психической жизни, и этим самым затрудняет установление причинной связи данного явления с предшествующим душевным состоянием. Рисуя единый в себе, целостный, последовательно сменяющийся мир душевных явлений, биография дает много преимуществ для выяснения причинного отношения между живыми, реальными фактами душевного мира в их естественном проявлении.

Изучение биографий позволяет также психологу заглянуть на такие стороны души, которые недоступны самому изощренному опытному наблюдению.

Применение биографического метода в психологии бесспорно будет способствовать постепенному превращению этой области человеческого знания в науку, изучающую конкретные явления, тогда как до сих пор психология носила более или менее отвлеченный характер, ограничивая сферу своих исследований изучением ощущений, элементарных и самых общих явлений познания, воли и чувств. Быть может именно этому методу суждено способствовать превращению психологии в науку, изучающую поведение человека, как деятеля в области семьи, определенной профессии и т. д.

II.

Но не только общей психологии биографический метод обещает много ценных дополнений к тем результатам, которые добыты опытным путем.

Не менее может надеяться получить с помощью этого метода и *психология индивидуальных отличий*. Психологический анализ этих отличий всегда сталкивался с недостатком конкретного материала на котором можно было бы проверить те или иные теории, проследить соотношение различных душевных свойств. Это обстоятельство заставляло характеролога нередко обращаться к помощи художников слова, к созданным ими художественным образам. Но как бы ни были реальны и типичны эти образы, все же они суть продукт творчества

определенного творца и носят на себе печать его индивидуальности, в них всегда много произвольного, вымышленного. Во всяком случае биографический материал при известных условиях дает более реальное, правдивое, менее произвольное описание подлинной жизни героя, а не описание, преломленное сквозь призму творческого произвола писателя. Именно отсутствие конкретного материала, на основе которого мог бы характеролог проверить различные классификации характеров, служило причиной того, что выработанные до сих пор классификации страдают слишком большой отвлеченностью и схематичностью. Потому то они и так мало пригодны в качестве руководства и пособия для наблюдения над живыми людьми. Жизнь, зафиксированная с помощью биографии, внимательно и любовно изученная, дает для психолога несравненно больше, чем самый гениальный художник. В особенности жизнь среднего, заурядного человека, ибо всякая наука интересуется более типичным. Вот почему можно только пожалеть, что на честь—иметь биографию—претендуют лишь избранники человечества, что так мало мы имеем дневников, записок, воспоминаний, оставленных средними людьми, теми, о которых (говорит Рескин) „мир и не думал, и не слышал, но которые теперь исполняют главную долю всех его работ и от которых мы можем лучше всего научиться, как исполнить их“.

Правда мы очень мало знаем таких интересных поэм-жизнеописаний, в особенности в отношении к жизни людей средних, „ибо немногие из людей, живших и живущих на свете сумели сделать возвышенную песнь из своей жизни, песнь, врезающуюся в память современников и несущую за собой благородное поучение для последующих поколений“—говорит биограф худ. Федотова, А. Дружинин. Еще менее смогли почерпнуть люди поучительного из тех немногих биографий людей, которые сумели сделать из своей жизни возвышенную поэму. Как мало обычно мы знаем таких „поэм“, особенно относящихся к жизни средних людей, чья жизнь, в силу своей типичности, особенно поучительна в некоторых отношениях.

В сущности всякое жизнеописание, всякая исповедь, при наличности подходящей формы, интересна, поучительна и занимательна. Толстой, сам великий мастер слова, считал биографический материал наиболее интересным видом творчества, долженствующим вытеснить все другие виды литературы. Тот же Толстой так любил перечитывать „Дневник Амиеля“, хотя автор этого произведения был очень заурядным человеком, о котором никто бы и не знал, если бы после него не остался дневник. Та искренность, задушевность, с которой автор дневника говорит о своих чувствах и думах, по поводу самых обыкновенных предметов, способны глубоко затронуть читателя.

III.

Много обещает дать биографический метод и для изучения *психологии творчества*, вводя психолога в такие тайники лаборатории творчества, знакомя с такими сторонами психики творца, которые он был бы не в состоянии вскрыть с помощью какихнибудь других методов. Изучение жизни и личности творца служит наиболее надежным ключом к тайнам творчества. Очень поучительна в этом отношении биография Э. Золя, написанная Тулузом. Эта работа представляет особенный интерес прежде всего потому, что автор ее делает попытку всестороннего изучения живой личности писателя с помощью всех известных ему методов исследования.

Его работа распадается на две части: исследование физических и психических свойств писателя. Этому исследованию предшествует изучение родословной со стороны отца и матери, при чем некоторые из характеристик носят биографический характер. Затем автор дает краткий очерк телесного и душевного развития писателя, при чем развитие прослежено до детства Золя в качестве писателя.

В „*Examen physique*“ даются результаты детального антропологического измерения, сопровождаемые фотографиями головы, рук, отпечатками пальцев; затем приводятся результаты исследования пульсовой кривой, пищеварения (с помощью химического анализа), мускулатуры, нервной системы, общей чувствительности и т. д.

Более подробный характер носит изучение духовной стороны личности писателя. Сначала идет описание низших сторон психики — процессов ощущения и восприятия: ощущение прикосновения (восприятия плоскости, поверхности, формы, тяжести); зрительные ощущения, звуковые, обонятельные, органические, голод, жажда, а также моторные функции, в особенности ловкость рук.

При изучении языка Тулуз особенно интересовался характером образов представления, а также различиями устной и письменной речи писателя. При изучении памяти произведены многочисленные опыты для целей исследования способности запоминания букв, слов, цифр, отдельных предложений, а также для изучения характера представлений при припоминании различного материала. Затем следовали опыты для целей изучения внимания, времени реакции, навыка, ассоциаций, суждений, внушения и т. д.

В заключении автор делает попытку — дать общее представление о творческой личности писателя, уяснить основные причины успешности его художественного творчества.

Не менее интересны попытки в этом направлении А. Бинэ. Ценность его работ заключается в их методологическом характере, в способе, каким ему удалось получить очень подробные данные самонаблюдения путем различных обращений и распросов. Бинэ в сотрудничестве с Passy принадлежат работы о характере творчества Sardou, Alex. Dumas fils, Doudet, Pailleur, Meilhac, Edm. de Joncourt, Coppée; в сотрудничестве с F. de Corell им написан „психологический портрет“ М. Р. Hervieu.

Позднейшая работа Бинэ посвящена творчеству молодого художника Tade Styka. Существенный недостаток всех этих работ Бинэ заключается в том, что материал для анализа творчества художника автор черпает главным образом путем опроса самого художника. Несомненно этот метод носит субъективный характер, результаты опроса во многом зависят и от характера поставленных вопросов и от умения художника разбираться в своих переживаниях и т. д.

Более объективный и более обстоятельный характер носит работа П. Моргиса о Е. Т. А. Гофмане, обладавшем довольно значительными музыкальными способностями, поэтическим талантом и философским умом. В своей работе Моргис сначала знакомит с наследственными влияниями на Гофмана, затем с влиянием среды (положение родителей, их отношение к сыну и т. д.), с обществом его знакомых, с прочитанными им книгами и т. д. Наконец, Моргис описывает физическое развитие Гофмана, его болезни и их влияние на него, его внешний вид, душевные способности и т. д.

Для целей большего удобства изучение личности того или иного писателя, художника и т. д. Институтом прикладной психологии была выработана схема, которая недавно была проверена на биографии Геббеля Людвигом Левиным. Эта попытка показала, что с помощью заранее выработанной схемы представляется возможность составить более обстоятельную и полную биографию, чем без схемы. Некоторые из свойств личности удалось вскрыть лишь благодаря схеме.

Конечно, для понимания характера творчества такая биография дает много ценных указаний.

В тех случаях, где творчество автора носит патологический характер, и анализ его творчества может иметь психопатологический характер. И здесь при изучении психологического процесса творчества тщательно изучаются факты из жизни писателя, поскольку в них может отразиться личность писателя. При анализе самого творческого акта особое внимание обращается на субъективные и объективные его элементы в отношении к обыденной жизни творца, на отношение болезненных черт характера творца к процессу его творчества.

Этот психопатологический метод обещает быть особенно полезным для психиатрии, давая ей возможность ознакомиться

с психологией высших дегенерантов и с некоторыми болезненными состояниями. В русской литературе мы имеем целый ряд попыток использовать психопатологический метод применительно к изучению творчества русских писателей. Таков напр. целый ряд статей о Гоголе, Гаршине, Достевском и др.]

[IV.

Применительно к *детскому творчеству* биографический метод был использован не раз и дал блестящие результаты. Так, по отношению к детским рисункам, с помощью биографического изучения удалось расшифровать детские „каракули“, проникнуть в своеобразный мир детских переживаний. Выработана и программа для такого систематического собирания рисунков одного и того же ребенка на протяжении продолжительного промежутка времени. Знакомя с каждой из ступеней в процессе развития личности, биографический метод бесспорно дает много ценного и для *генетической* психологии. Мы имеем целый ряд дневников, авторами которых чаще всего являются родители или другие члены семьи. В некоторых случаях эти записи суть результаты совместных наблюдений отца и матери напр. в работах супругов Штерн, Левоневского, или одного отца (Прейер, Соколов), матери (Кричевской, Златковской, Гавриловой и Стахорской).

Начало этого рода наблюдениям положил своей классической работой Прейер. Его книга „*Душа ребенка*“, вышедшая в 1882 г., составляет эпоху в области научного изучения душевной жизни ребенка. Правда, еще до этой работы появились исследования Тидемана („*Наблюдения над развитием душевных способностей у детей*“. 1787 г.), Зигмунда („*Ребенок и мир*“ 1856 г.), Кусмауля („*Исследования над душевной жизнью новорожденного человека*“ 1859 г.), Дарвина и других. Но все же именно Прейер своими систематическими записями о душевном и телесном развитии своего сына дал во всех отношениях поучительный образец того, как следовало бы вести подобного рода записи.

Большинство из этих дневников велось по преимуществу относительно детского возраста. Но как идеал биографический метод имеет целью дать ясное описание хода развития душевной жизни человека, как чего то единого, цельного, начиная с рождения до самой смерти. Такое описание и составило бы содержание той науки, о которой мечтает Вейнинггер. Эту новую науку он называет „теоретической биографией“ или „октогенетической психологией“, которая—по его мнению—должна заменить старую бездушную, отвлеченную психологию. Основная цель этой теоретической биографии—исследование непреложных, вечных законов духовного развития человека.

„До сих пор историческое описание всякого рода имело дело только с индивидуальностями. Здесь же центр тяжести лежит на отыскании общих точек, типов. Психология должна превратиться в теоретическую биографию. Название „теоретическая биография“ должно точнее отграничить эту область от философии и физиологии: вместе с тем оно призвано расширить область применения метода биологического исследования, которым последнее по времени направление психологической науки (Дарвин, Спенсер, Мах, Авенариус) то пользовалось одно-сторонне, то слишком злоупотребляло“.

V.

Изучение жизни многих деятелей на различных поприщах поможет учесть их жизненный опыт и для будущих поколений т.-е. несомненно даст ценный материал для *прикладной* психологии. Какой напр. богатый материал дало бы изучение биографий в деле выяснения причин успеха определенных лиц на том или ином поприще, в известной профессии. Ведь всякая профессия соображает естественный отбор среди тех, кто более всего для нея подходит. Если изучить большое число представителей той или другой профессии из категории удачников, то можно установить наличность определенных факторов, которые обуславливают успех этих лиц в данной профессии. Таким образом представляется возможным выяснить структуру „профессионального типа“, выяснить те требования, которые необходимы для успеха в той или иной профессии. Во всяком случае изучение биографий именно с этой точки зрения во многих отношениях может быть поучительным. Во след единичной личности, ярко проявившей себя на определенной профессии, пойдут многие и, зараженные вдохновляющей силой образа, они скорее найдут себя, смогут творчески выявить свою личность. В деле „самоопределения“ чтение биографий лиц, успешно себя проявивших на том или ином поприще, может оказаться особенно полезным. Выяснение причины успеха этих лиц, указание на те психические свойства, каким обуславливалось их преуспевание, определение путей, какими данное лицо нашло себя и творчески выявило свое призвание — все это будет лишь способствовать уяснению и своих собственных свойств, своего призвания. Несомненно для *прикладной* психологии биографический метод способен в будущем дать много к тому, что уже дали точные лабораторные исследования. В некоторых отношениях биографический материал является более поучительным сравнительно с другими данными научной психологии. „Изучите сто психологий современных ученых, и вы также плохо будете понимать поведение человека, как и раньше. Поведение человека, основные инстинкты которого — инстинкты питания, защиты и раз-

множения — иными словами, социальная психология человека, как экономического и семейного деятеля — разве это в первую очередь изучается современной „научной психологией?“ (Блонский).

„Для того, чтобы в настоящее время уяснить себе человеческую жизнь, свою и чужую, говорит Франк, нужно изучать произведения искусства, письма и дневники, биографии и историю, а никак не научную литературу психологии. Достоевский и Толстой, Мопассан и Ибсен, Флобер, Геббель, Амиель в своих дневниках и письмах, Карлейль, Моммсен и Ключевский — вот единственные учителя психологии в наше время“.

VI.

Сравнительная психология полов также может обогатиться весьма ценными сведениями, полученными с помощью биографического метода. Ведь до сих пор вопрос этот решался чаще всего на основе некоторых, очень немногих наблюдений, или с помощью анализа художественных типов. По вопросу о психологии женщины можно назвать одну лишь работу Гейманса, которая пытается подойти к решению вопроса научным путем. Да и этот метод анкетный, не свободный от многих очень существенных недостатков. Путь опытного изучения психических особенностей полов также сталкивается с тем затруднением, что экспериментальное исследование касается, главным образом, отдельных сторон личности, тогда как для изучения психических особенностей полов важны не эти детали, а общая структура личности, не поддающаяся исследованию с помощью эксперимента. Вот почему более плодотворный обещает быть путь изучения большого числа биографий мужчин и женщин, быть может именно он окажется способным подвинуть дело изучения сравнительной психологии полов.

Опытное изучение душевной жизни имеет дело с постижением чужих переживаний. Но как бы не было глубоко и тонко наблюдение опытного психолога или талантливого писателя, все же ни тот, ни другой никогда не смогут заглянуть в чужую душу на такую глубину, на какую возможно проникновение самого человека в собственную душу. Вот почему биографический, в особенности автобиографический материал дает возможность заглянуть на такие стороны души, которые недоступны для обычного наблюдения. Для психоанализа подобного рода материал может дать особенно много. Да и для целого ряда других отраслей специальной психологии (этническая и др.) биографический метод обещает быть не менее плодотворным.

VII.

На ряду с психологией изучение огромного числа биографий человеческих личностей разных времен, народов, классов, положений и т. д. окажется чрезвычайно плодотворным и для истории. В деле изучения духовной жизни прошлого жизнеописания наиболее типичных представителей той или иной эпохи являются чрезвычайно ценным материалом. Именно по этому пути исследования идет напр. Рожков в своем „Обзоре русской истории с социологической точки зрения“. Для характеристики той или иной эпохи он берет высший тип развития, достигнутый данной эпохой. Психологический анализ данной исторической личности, в связи с общими потребностями эпохи, дает возможность уяснить и самый характер этих потребностей, так как высший тип данной эпохи, в своем сознании, как в фокусе, отражает носящиеся в воздухе, но рассеянные по частям в отдельных личностях, идеи исторического момента. В этом смысле биография всякого замечательного человека есть история его времени. Насколько он является продуктом данных течений, господствовавших в обществе данной эпохи, настолько же сам он служит их выразителем. Жизнь великих людей одна из важнейших и занимательнейших форм исторического изложения. На примере Ключевского, можно видеть, какое огромное влияние может оказать изучение житийной литературы на живость исторического изображения.

По мнению того же Ключевского „умственный труд и нравственный подвиг всегда останутся лучшими строителями общества, самыми мощными двигателями человеческого развития“.

Как ни пытались в новейшее время выставить массы носителями этого прогресса, всегда однако были выдающиеся личности, которые проводили, готовили события, которые силой своей воли, своими дарованиями обуславливали успех, так или иначе влияли на судьбы человечества. Во всяком случае инициативе отдельных личностей, их воли, личной энергии несомненно должно быть приписано известное влияние на ход исторического процесса. Этот процесс не есть лишь результат безличных сил, подчиненных раз навсегда установленным законам.

VIII.

Не менее плодотворным окажется изучение большого числа биографий и для *экономической науки, педагогики, истории быта, истории культуры, торговли, техники*, а также для истории наук вообще. Не мало поучительного в этой области можно будет найти и для решения проблемы наследственности, одаренности, для патологии. Насколько этот метод может слу-

жизнь плодотворным для учения о *наследственности*, очень убедительно говорит книга проф. Р. Зоммера: *„Исследование семей и учение о наследственности“*, в которой автор прослеживает историю одной семьи на протяжении целых пятнадцати поколений. Работа Зоммера является первым опытом в этом направлении, ибо до сих пор проблема наследственности изучалась главным образом при помощи естественно-научных методов. Как самостоятельная дисциплина изучение семейств, нуждается в длительной и систематической работе многих поколений. Чем скорее будет приступлено к сохранению и собиранию относящегося сюда материала, тем более прочных результатов можно ожидать от заинтересованных в сохранении таких материалов дисциплин. В этом пункте особенно заметна неполнота биографических данных. Огромное число биографий очень слабо освещает вопрос с этой точки зрения, имеет чувствительные пробелы, которые могут быть избегнуты, если биографы будут уделять большое внимание родословной того или иного лица. Редкая биография заходит дальше одного или двух поколений, линия материнских предков обычно особенно слабо освещается. Между тем, как всякий новый индивидуум соединяет в себе наследственные свойства, как от мужских так и от женских предков. Существует даже мнение, подкрепляемое авторитетом Гете, что материнское влияние имеет решающее влияние при формировании гения. Правда, существует и обратное мнение, что наследственность со стороны отца играет первенствующее значение, в особенности для талантов в области искусства. Уже это противоречие ясно показывает, насколько еще необоснованы выводы в этом пункте. Составление подробных генеалогических таблиц, при детальном изучении физического и психического типа каждого из членов этих семейств и поколений даст возможность выяснить, как проявляются у потомков духовные свойства их предков, какую роль играет наследственность со стороны отца и матери.

Такую попытку напр. дает Ануцин в своем очерке о Пушкине, касаясь, правда, происхождения и физического типа великого русского поэта.

Изучение многих биографий одаренных людей даст возможность сравнить, насколько общая степень *одаренности* отдельных лиц может превосходить средний уровень и как далеко индивидуальная одаренность может отклоняться от средней степени одаренности.

Как это ни странно, но современная педагогика гораздо больше уделяет внимания отсталым, дефективным, чем талантливым детям. Мы очень мало пока имеем сведений о детях одаренных, стоящих по своему развитию выше нормы. Эти сведения сводятся к немногим биографическим заметкам о дет-

ских и юношеских годах великих людей и очень немногим наблюдениям над развитием одаренных детей. Если справедливо, что проблема воспитания „вождей“ должна стать очередной проблемой в наше „безличное“ время, то изучение биографий великих людей именно с этой точки зрения должно привлечь особенное внимание педагогики. Пора изменить наши привычные взгляды на появление великих людей, говорит Оствальд, пора отбросить здесь идею фатализма, пора оставить взгляд на их появление, как на неподлежащий контролю дар случая или высших сил. Нужно признать, что великих людей рождается гораздо больше, чем фактически ими становится. Если точнее будет изучена природа великих людей, то это даст возможность устранить причины тормозящие переход потенциальных сил в актуальные“.

Изменения, внесенные революцией в процесс распределения членов общества по их занятиям, должны предъявлять особенные требования к педагогике. Ведь в действительно свободном государстве каждый путем избрания может достичь высших общественных должностей, каждому должна быть предоставлена возможность занять то место, к которому он более всего пригоден по своим способностям и талантам. Следовательно каждому ребенку должен быть открыт такой путь образования, на который он имеет право в силу своего дарования, независимо от своего материального и социального положения. И в решении этого вопроса чрезвычайно важно знакомство с тем, как эти дарования и способности развивались в жизни тех, кто особенно успешно смог развернуть эти способности на том или ином поприще. Лишь в самое последнее время психологи начинают много уделять внимания критическому изучению биографий исторических личностей, в особенности данных, относящихся к их детству.

Параллельно с этим делаются попытки тщательного изучения „гундеркиндов“, каковы например юный счетчик Володя Зубрицкий, психограмма которого составлена А. М. Шуберт. Относительно художественной одаренности имеется работа Кика, музыкальной—Штумпфа и т. д. Все эти исследования имеют двойную цель: с одной стороны они должны выяснить условия развития таланта, с другой стороны они должны помочь в деле распознавания наличности тех или иных способностей.

IX.

Итак, систематическое всестороннее изучение возможно большего числа биографий—вот задача, которую выдвигает современность в качестве очередной проблемы. Пока лишь делаются первые робкие попытки подойти к биографии, как объекту научного систематического изучения. Исследователю в

этой области предстоит обозреть поистине необозримый материал, ибо биография, как одна из форм общечеловеческой литературы, пользовались значительным распространением уже у древних народов.

Но даже в самых ранних произведениях этого рода, какими являются египетские надгробные памятники, составляющиеся обычно по шаблону, всегда есть некоторый элемент оценки. Этот элемент оценки в сущности является необходимой принадлежностью всякой биографии.

В свою очередь он предполагает наличие определенного критерия, теории, с точки зрения которой и делается оценка. Эта теория до некоторой степени предопределяет и выбор этих свойств, качеств описываемой личности, которые биограф считает нужным особенно отметить. С другой стороны другие свойства, менее важные, оказываются при таком предвзятом отношении обойденными. Таким образом, исследователю биографического материала приходится заранее учитывать влияние этих теорий на подбор материала для биографии и само построение биографии. В основе этих многочисленных теорий лежат различные отношения к проблеме личности, к роли этой последней в историческом процессе и т. д. Насколько могут быть различны эти взгляды достаточно привести два основных, диаметрально противоположные взгляда историко-философского характера. С одной стороны мы здесь имеем индивидуалистическое прославление героя; таково напр. отношение Карлейля, который видит в гении основную цель и исходный пункт культурного движения человечества „Движение человечества вперед, говорит Карлейль, всецело зависит от отдельных личностей, одаренных необычайными талантами и посылаемых в мир Провидением, от героев. Всемирная история есть в сущности история великих людей, потрудившихся здесь, на земле—это биография великих людей. Никакого равенства не существует: люди бесконечно различаются между собой по своим способностям и дарованиям, ум и сердце составляют достояние немногих: масса убога во всех отношениях, и, представленная самой себе, не способна ни к какому прогрессу“.

Если Карлейль подчеркивает творческую роль великих личностей в истории и требует почитания „героев“, то совершенно иное понимание дает теория, согласно которой исторический процесс есть лишь результат безличных сил, подчиненных раз навсегда установленным законам. Великий человек, согласно этому взгляду, лишь продукт своего века, а не наоборот. Цивилизация есть результат развития знаний, и великий человек лишь рупор безличного, об'ективного, умственного движения человечества.

Конечно, в зависимости от того, положена ли в основу та или другая теория, и биография резко меняет свой облик.

За последнее десятилетие выдвигаются естественно-научные теории, которые бесконечно расширяют число возможных точек зрения. И здесь можно указать на самые противоположные точки зрения: так теория „влияния среды“ пытается понять личность „как сумму влияний окружающего“. Вот почему сторонники этой теории особенное внимание обращают на сравнительно ничтожные, незаметные влияния, из которых складывается личность: общая атмосфера семьи, дома, общества, климат, питание, физическое состояние и т. д. Прямую противоположность представляет теория расы, согласно которой генетически лишь продукт расы, при чем одни видят главное влияние в чистоте расы, другие—в смешении рас, третьи—в самой сущности свойств определенной расы усматривают благоприятный момент для появления сильной индивидуальности.

Самым общим стоят теории, которые выдвигают в биографии моменты патологического характера. Такова напр. теория Ломброзо, объясняющего гениальность с помешательством. „Гениальность, говорит Ломброзо, симптом наследственной дегенерации, близкая родственница безумия“. „Всякий человек, говорит другой сторонник того же учения, чья жизнь достаточно интересна, чтобы стать достойной изучения, неизбежно попадет в ряды душевно-больных. И необходимо отметить, что чем выше человек, тем больше его отклонение от нормы“.

С этой точки зрения психиатр и пытается рассматривать личность настоящего и прошлого, так как гениальность с этой точки зрения лишь „интересный случай“, являющийся лишь наглядным примером патологического состояния. Нередко из такого понимания наличность патологического признака понимается, как действительное понимание поступков и свойств личности. Так возникает *патография* т. е. такой вид биографии, который рассматривает телесную конституцию, соматические и психические болезни, дегенеративные признаки, истерические, психические и другие признаки, как главнейшие факторы в понимании сущности гения.

Интересна с этой точки зрения работы Мебиуса, который, при тщательном исследовании биографических данных, пытается вскрыть у гениальных людей прошлого и настоящего целый ряд наследственных болезней, предрасположений и патологических признаков. Таковы патограммы Мебиуса, посвященные Руссо, Шопенгауэру и Ницше. Несомненно, что такое понимание природы гения самым упрощает толкование явления. С этой точки зрения, которую можно было бы назвать „медицинским психоанализом“, такие факты, как напр. видение св. Павлом Христа и Давидом, следует толковать, как эпилептический припадок, глубокое отчаяние Карлейля, как симптом расстройства

кишечника и т. д. Поскольку современная психология признает, что нет ни одного состояния сознания—ни нормального, ни патологического, которое не обуславливалось бы каким-нибудь органическим процессом, постольку, конечно, необходимо считаться с наличием тех или иных ненормальных процессов органического характера. Несомненно также, что в некоторых случаях патологическая душевная организация, при наличии высокой интеллектуальной одаренности, может служить благоприятным моментом для появления гения. Наоборот, в других случаях, быть может болезнь не повышала, а напротив понижала продуктивность гения и без нее и он дал бы еще больше. Наконец, мы имеем целый ряд людей гениальных, у которых нельзя подметить каких-либо болезненных симптомов. Во всяком случае, действительно гениальный человек в области своего творчества всегда бывает совершенно здоров и нормален. „Ведь для гениального человека, говорит Мейман, высшей задачей является—повышать идеал человечества, другими словами, идеал *нормальных* людей и воплощать *типическое* и *идеальное* содержание своей личности и своей жизни в своих произведениях“.

Вот почему патографическое толкование биографии великих людей носит несомненно односторонний характер. Еще более узкое понимание этих факторов дает *психоаналитическая* теория Фрейда. Согласно учению его школы универсальным ключом к пониманию всякой индивидуальности служат сексуальные переживания раннего детства. Хотя они кажутся вытесненными и забытыми, в действительности же именно они определяют всякую мысль, чувство, поступок, поведение взрослого человека. „Невозможно понять поэта или художника в их работах только путем анализа вполне развившейся их индивидуальности или их воспитания, их окружающей среды и всего того, в чем художник себя сознательно проявляет, говорит Вальдштейн. Основательное изучение тех подсознательных впечатлений, из которых образовалась подсознательная часть их психики, и которые особенно многочисленны и сильны в раннем детстве, скорее приведет к ясному определению их главных характерных черт, к полнейшему пониманию их работы“. Очень интересную иллюстрацию этого положения дает Фрейд своим анализом детских переживаний Леонардо да Винчи.

Х.

На ряду с общефилософской оценкой личности немаловажное влияние на биографию оказывает понимание биографом специфического назначения той или иной личности. С точки зрения этого призвания, назначения, выполнения какой-нибудь культурной зада-

би, биограф и подходит к оценке той или иной личности. При этом личность для биографа является единым, цельным. Всякая отдельная черта, поступок рассматривается лишь как иллюстрация для понимания этого целого, осуществления призвания. А и подбор этих свойств в значительной мере предопределяется пониманием биографа этого специфического назначения данной и этой личности. Задача биографа — воссоздать цельный образ того или иного героя, он должен жизнь героя изобразить так, чтобы читатель мог почувствовать и пережить ее вместе с творцом биографом.

В стремлении к этому художник-биограф дает такой образ героя, в котором зачастую трудно отличить факты от мнения биографа. Еще труднее проследить этот путь воссоздания образа, по которому идет и должен идти художник-биограф. Вот почему можно сказать, что чем искуснее художник-биограф, тем реже он, как личность, тем менее пригодной является биография для научных целей. Несомненно, более пригодной будет та биография, которая дает объективный сырой материал, если биограф выбирает путь внешней фактической данности, чем в том случае, если он держится описания внутренней связи переживаний.

Приступающему к изучению биографического материала в значительном масштабе необходимо приходится сталкиваться с вопросом, на какие из существующих биографий он может опереться, но ему по необходимости приходится иметь дело с теми немногими биографиями не только благодаря большему количеству, но и потому, что он чувствует себя некомпетентным по части изучения исторического материала. Конечно, в некоторых случаях есть необходимость обратиться к первоисточникам, в других случаях это оказывается совершенно недопустимым, если изучение носит массовый характер.

Чтобы иметь возможность сравнить целый ряд биографий должны быть найдены нейтральные основы для изучения, которые бы давали возможность устранить наличность субъективных моментов биографа, элементов оценки, влияние предвзятых теорий и т. д. Эту возможность открывает психографическая схема.

XI

Психография означает собственно „описание души“.

Чтобы придать этому описанию систематический характер, представляется схема, содержащая перечень всех главнейших признаков и свойств, имеющих значение при изучении индивидуальности. Такая „психологическая карточка“, „психограмма“ есть, своего рода, психологическая фотография. Умело заполненные эти схемы представляют чрезвычайно удобный и цен-

ный материал для дальнейшей обработки, для классификации, для истолкования и понимания структуры личности.

Анализ личности, на основе заранее выработанной психологической схемы, носит название *аналитического* метода. Мы имеем несколько попыток составления таких схем, дабы придать наблюдению систематический и научный характер. Такова схема Штерна, составленная им в сотрудничестве с Липманом и Бааде. Но заполнение такой *общей* схемы психогрaммой представляет огромные трудности, поскольку приходится иметь дело с огромным числом свойств того или другого индивида. Вот почему следует предпочесть схему Лазурского, которая включает перечень главнейших свойств личности.

В отличие от таких общих схем, намеченных по преимуществу с общепсихологических точек зрения, психогрaф может задаваться более частными задачами. При составлении схем он может ограничиваться отдельными свойствами или группой свойств данной личности.

Подобного рода схемы могут носить более специальный характер.

Так с педагогической точки зрения можно наметить схему, в которую должны войти черты, особенно важные в воспитательном отношении, т.-е, характеризующие способности ученика к получению воспитания и образования. Это будет уже *специальная схема*, рассматривающая личность с точки зрения определенного идеала, цели. Конечно, в пределах этой специальной задачи, при составлении такой специальной схемы психогрaф стремится к возможной полноте, меньший объем задачи здесь компенсируется более подробным перечнем относящихся сюда свойств. Поскольку же всякое свойство у одного и того же индивида тесно связано с другим,—зачастую приходится необходимым рассматривать, наряду с основными, и отприкасающиеся с ними второстепенные свойства. Это обстоятельство сближает общую и специальную схемы психогрaфии.

Но все же между ними остается то существенное различие, что общая схема стремится дать по возможности общую характеристику личности, признавая равноценность изучаемых свойств, специальная же схема главное внимание обращает на определенные свойства, выделяя их из ряда других.

При пользовании последним *целеописательным* методом психогрaфии исследователь имеет в виду изучить специфическую одаренность того или другого субъекта. Одно или несколько родственных свойств в этом случае принимаются за исходный пункт, чтобы, исходя из него, выяснить и другие, связанные с основным свойством. К такого рода „целеописательному“ приему мы нередко прибегаем в повседневной жизни, когда говорим кому-нибудь, что он хороший оратор, музыкант, педагог и т.д. Этим определением выявляется наиболее характерное для данного

суб'екта, его специфическая одаренность, свойства же, обуславливающие эту основную черту характера, как бы подразумеваются. Да и как научный прием, этот метод отиравается от определенного идеала, цели, призвания, с точки зрения которых и дается характеристика суб'екта, устанавливается, в какой мере данное призвание, идеал находится в соответствии с основными свойствами индивида. Соответствие прирожденных особенностей, преобладающих интересов индивида и его внешней, профессиональной деятельности, делает данный тип, по терминологии проф. Лазурского, „чистым“. Если же внешние условия препятствуют, подавляют и извращают проявление действительных сторон данной личности, то такой тип может быть назван „извращенным“. Смотря по приспособленности того или другого типа и условиям окружающей среды, Лазурский различает три возможных уровня: нижний (недостаточно приспособленный), средний и высший (приспособляющий). Задача исследователя, пользующегося этим „целесописательным“ методом, найти путь, которым шел индивидум в деле обнаружения данной способности, т.-е. пути, на основе которых создается тот или иной идеальный образ, выработалось призвание. Этот метод, следовательно, пытается выяснить, какие свойства особенно желательны для данного призвания и имеются ли они налицо у данного суб'екта.

Метод этот обещает быть особенно плодотворным с точки зрения прикладной психологии.

Заполнение схемы по аналитическому методу дает более или менее подробное перечисление отдельных сторон личности, но оно не дает ясного представления об общей структуре личности. Вот почему необходимо определить преобладающие наклонности данной личности, способ сочетания этих основных наклонностей, из которых и образуется ряд более или менее сложных проявлений, свойственных данной личности. Сравнение и выяснение различий в структуре психики различных лиц составляет сущность „классифицирующего“ метода. Этот метод состоит в том что люди в отношении их основных черт характера распределяются по определенным классам. В основу деления берется какой нибудь особенно важный психический признак. Таким признаком в некоторых классификациях служит быстрота психического процесса. В характере реагирования людей на внешние впечатления давно уже подмечены два основных индивидуальных отличия: быстрота и медленность процесса реагирования. В этом различии времени, употребляемом суб'ектом на его реакцию, мы имеем целый ряд указаний на темперамент данного индивида. Прежде всего это различие говорит, как люди относятся к объектам, их окружающим. У типа быстро реагирующего, это отношение носит суб'ективный характер, он ко всему относится активно, его собственная дея-

тельность всегда есть центральный пункт, а окружающее имеет значение лишь постольку, поскольку оно стоит в каком нибудь отношении к этому центру. И этот центр, его „я“, всегда и готовности. Вот почему люди этого типа и быстро реагируют, и им трудно сдерживать импульсивное проявление своих реакций. Другой—объективный тип—склонен отзываться на внешнее впечатление не сразу, а когда оно им более или менее осознано. Если внимание первых (быстро—реагирующих) направлено на движение по преимуществу, то у объективного типа внимание сосредоточено на впечатлении, к которому они склонны относиться теоретически, созерцательно. Они чувствуют не по себе, если вынуждены сосредоточивать внимание на самих себе, охотно откладывают совершение движения до побуждения извне.

Очень интересную попытку дает Оствальд в своей книге „Великие люди“. По мнению Оствальда существуют два типа научных работников „классики“ и „романтики“. Классики отличаются медленностью умственных процессов, романтики—быстротой. Это основное различие оказывается имеющим огромное влияние, как на метод, так и на результаты научной работы лиц, принадлежащих к тому или другому типу: более быстрый темп реагирования романтика обуславливает его интерес по многим, порой самым разнообразным предметам. Романтик всегда полон всевозможных мыслей и планов, всегда торопится освободиться от них, чтобы дать место другим планам, ожидающим своей очереди. Скорость умственной работы позволяет романтику быстро работать. Выполнение планов, работы у романтика следует непосредственно за решением проблемы. Этот тип работника очень продуктивен, одна работа у него непрерывно следует за другой, труд редактирования ему дается сравнительно легко. Конечно есть и отрицательные стороны такой скорой работы. Выходящие из под их пера работы не всегда носят печать законченности, но всегда свободны от различных промахов и ошибок.

Романтики быстры, подвижны; своим интуизмом, своей кипучей энергией они заражают учеников, они создают школы, завоевывают симпатии современников. Этот тип Оствальд иллюстрирует на примере работы Гельмгольца, Роберта Майера и Фарадея.

Совсем иную картину представляет из себя метод работы „классиков“. Эти последние работают чрезвычайно медленно. Свои мысли классик не решает поведать другим, до тех пор пока не справится со всеми возникающими у него сомнениями. Он предпочитает сосредоточивать свою работу вокруг одной идеи, которую обычно вынашивает до полной зрелости. Поэтому его работа всегда кажется менее заметной, если ее рассматривать по ширине. Но зато этот прием работы обуславли-

вает большую глубину в исследовании. Труд редактирования, окончательной отделки им также дается не легко, они долго обдумывают свою проблему, много раз меняют план и форму изложения. Сравнительно с работами более скорого и порой более поверхностного романтика, классик дает всегда более совершенное законченное и настолько глубокое, что порой трудно даже предвидеть, когда будет исчерпан весь запас идей, который он сумел связать с одной проблемой. Классики обычно застенчивы, робки и тяжеловесны, они любят работать для себя, избегают публичности. Вот почему они часто проходили незаметными у современников и лишь последующие поколения могли по достоинству оценивать все значение совершенной тем или другим исследователем работы.

XII.

Типичным образцом работы по *классифицирующему* методу может служить исследование Гейманса. С целью проверить некоторые свои предположения о соотношении различных психических свойств, Гейманс изучил 110 биографий известных деятелей в различных областях: 40 поэтов и романистов, 2 художника, 12 философов, 15 естествоиспытателей и практических деятелей, 2 полководца, 18 преступников и 5 прочих лиц. Из 110 биографий, использованных Геймансом, 94 биографий мужских и 16 женских. О каждом из этих лиц автор записывал все то, что имелось в биографии относительно главнейших психических свойств. Для удобства обработки собранного материала, эти свойства заносились на счетные карточки, на которых были напечатаны 100 наиболее часто встречающихся психических свойств. Вот перечень главнейших свойств:

- 1) Подвижность (склонность жестикулировать, ходить по комнате и т. д.).
- 2) Способность к регулярной работе.
- 3) Реактивность (способность к энергичным действиям под влиянием аффекта).
- 4) Настоящность и выполнение раз задуманного плана.
- 5) Самостоятельность.
- 6) Мужество (при внезапной опасности).
- 7) Поспешная покорность (склонность не только не действовать против угрожающей опасности, но даже самому осуществлять это опасное страшное).
- 8) Способность углубляться в работу (не развлекаться случайными разговорами окружающих).
- 9) Быстрые смены внимания (равно как и быстрый переход от отдыха к работе и обратно).
- 10) Большая работоспособность вечером или ночью.
- 11) Чувствительность (впечатлительность по отношению к малым радостям и скорбям).
- 12) Критическое отношение по отношению к окружающей обстановке.
- 13) Склонность часто менять местожительство.
- 14) Болезненная склонность к странному представлению.
- 15) Величайность.
- 16) Суперлатинизм (частое применение преувеличенных представлений).
- 17) Эголизм (довольство своим и своим).
- 18) Недоверчивость.
- 19) Склонность идеализировать других.
- 20) Склонность критиковать других.
- 21) Выносливость.
- 22) Умеренность в мыслях и поступках.
- 23) Противительность в мнениях.
- 24) Внутренние противоречия (смены прямо-

противоположных склонностей и свойств). 25) Склонность к неожиданным переменам в убеждениях и жизненных планах (толчко-образный ход развития). 26) Несоответствие поступков с высказанными принципами. 27) Способность к систематическому порядку. 28) Частая перемена настроения. 29) Раздражительность. 30) Терпение. 31) Малая склонность к прилживанию. 32) Гордость. 33) Корыстолюбие. 34) Свободолюбие. 35) Властолюбие. 36) Честолюбие и тщеславие. 37) Интерес к условным отличиям (дворянство, ордена). 38) Зависть. 39) Родственное чувство. 40) Предпочтение свободному воспитанию. 41) Отношение к подчиненным. 42) Дружба. 43) Патриотизм. 44) Прогрессивность взглядов. 45) Альтруизм. 46) Серьезность (в противоположность легкомыслию; тенденция все, даже самые мелочи рассматривать в свете высших целей). 47) Добросовестность. 48) Естественность поведения (в противоположность аффектировке, склонности разыгрывать роль и т. д.). 49) Честность поведения. 50) Надежность (при сообщениях, рассказах, разговорах). 51) Щедрость в денежных делах. 52) Робость. 53) Смелость. 54) Церемонность поведения. 55) Пренебрежение условными формами. 56) Скрытность. 57) Откровенность. 58) Рассеянность. 59) Физическое здоровье. 60) Чувствительность к метеорологическим влияниям. 61) Отношение к высшему удовольствиям. 62) Эротическое настроение. 63) Любовь к долгим прогулкам. 64) Любовь к спорту. 65) Предпочтение деревенской жизни. 66) Утомление от культуры (стремление к естественному образу жизни). 67) Высокая приемчивость к красотам природы. 68) Музыкальное дарование. 69) Высокая оценка комфорта и роскоши. 70) Склонность к салонной общительности. 71) Предпочтение женского общества. 72) Любовь к детям. 73) Любовь к животным. 74) Склонность к собиранию. 75) Математическая одаренность. 76) Способность к языкам. 77) Интерес к реальным предметам (объекты природы, машины, технические предметы). 78) Склонность к исследованиям (философским или техническим). 79) Книжные занятия. 80) Склонность к самоанализу. 81) Склонность заниматься мелочами. 82) Наблюдательность. 83) Быстрота понимания. 84) Хорошая память. 85) Развитая фантазия. 86) Интерес к символизму. 87) Остроумие. 88) Объективность суждения. 89) Суеверие. 90) Широкий взгляд. 91) Доступность новым взглядам. 92) Методический разум. 93) Пунктуальность. 94) Практический ум. 95) Знание людей. 96) Способность быть приятным собеседником. 97) Ораторский талант. 98) Смех от души. 99) Привычка писать много и длинные письма. 100) Счастливый или несчастный брак.

Наличность или отсутствие какого-либо из этих свойств обозначалась на карточке под соответствующей рубрикой. Составленные таким образом психогаммы распределялись на три категории, сообразно преобладанию одной из следующих психической функции: эмоциональности, активности и устойчивости психических процессов, которую Гейманс называет первичной (неустойчивость) или вторичной (устойчивость) функцией. Под вторичной функцией он понимает, следовательно, отголосок какого-нибудь переживания, хотя оно уже и исчезло из сознания, но все же продолжает влиять на наличное содержание сознания. Под первичной же функцией надо понимать способность влиять лишь в случае наличности в сознании. Следовательно, чем сильнее вторичная функция у какого либо лица, тем больше его прошедшее может влиять на его мысли, чувства и поведение. На основе этих признаков Гейманс намечает такую схему характеров:

- 1) Эмоциональный, не-активный, первичный = первичный.
- 2) " " " вторичный = сентиментальный.

3)	Не-эмоциональный, активный,	первичный=сатианический.
4)	"	вторичный=флегматичный.
5)	Эмоциональный	первичный=холерический.
6)	"	вторичный=страстный.
3)	Не-эмоциональный, не-активный	первичный=амрофный.
8)	"	вторичный=апатичный.

Каждый из этих основных типов (за исключением 2-х последних) автор более детально характеризует на основе психографических данных, причем его главным образом, интересует степень распространенности других качеств в основных типах. Тщательное изучение психогрaмм приводит автора к убеждению, что распространенность второстепенных качеств оказалась гораздо более различной в отдельных группах, чем можно было бы предполагать, и, что еще важнее, в этих различиях удалось подметить замечательную правильность.

ХIII.

Таким образом эта первая попытка использовать биографический метод для целей изучения индивидуальных особенностей оказалась чрезвычайно плодотворной. Но эта же попытка очень убедительно показала, что этот метод нуждается в более детальном углублении и обработке. Исследователь прежде всего приходится иметь дело с личностями выдающимися, ибо только некоторые избранники человечества претендуют на честь иметь свое жизнеописание. Но этот недостаток метода в значительной мере потеряет свою остроту, если допустить, что нет принципиальной разницы в соотношении психических процессов у средних и выдающихся людей. Что же касается абсолютной распространенности отдельных качеств у людей исключительных, то психолога интересует не эта сторона, а распространенность комбинации тех или иных качеств.

Геймансу, как зачинателю работы по биографическому методу, пришлось столкнуться с вопросом, на какой материал можно опереться при заполнении 110 психогрaмм, относящихся к целому ряду выдающихся деятелей. А литература о некоторых из них необычайно велика. Конечно, весь этот обильный материал, относящийся к жизни хотя бы одного человека, представляет, благодаря громосдкости, огромные трудности для изучения. Для того, чтобы составить вполне безпристрастное и исчерпывающее жизнеописание, психолог сам должен сделаться историком и потратить огромное количество времени, быть может, целую жизнь на составление одной или нескольких психогрaмм. Для составления своих психогрaмм Гейманс заранее отказался использовать весь биографический материал о каждой из 110 выдающихся личностей, а пользовался двумя-тремя наиболее полными и надежными жизнеописаниями. Что же касается субъектизма биографа, точности и неполноты

описания, то при достаточно обильном материале все эти ошибки в значительной степени будут сглажены. Здесь, как во всех науках, основанных на статистическом методе, закон больших чисел сообщает общим результатам вероятность быть конечно большую сравнительно с той, которая принадлежит единичным фактам. Таким образом сама сущность биографического метода такова, что он нуждается в массовом собирании материала, и для обработки этого материала должен быть использован метод корреляции. Этот последний метод в применении к явлениям психического мира обещает быть очень плодотворным. Уже некоторые результаты, добытые с помощью этого метода, во многом способны расшатать наши обычные взгляды на связь между психическими явлениями. Так Спирман, на основании ряда исследований по этому методу, приходит к заключению, что нахождение близкой связи между двумя какими-нибудь психическими способностями далеко не всегда обуславливается внутренним сродством этих способностей, а свидетельствует об участии общего фактора, общего фонда психической энергии. Отсюда для исследователя в этой области является задачей установление соответствия между различными психическими функциями и их отношения к центральному фактору. И в решении этой проблемы данные биографического характера, собранные в большом числе, могут дать особенно много. Вот почему необходимо приступить к их собиранию, необходимо создать такую организацию, которая бы ведала делом собирания и изучения биографического материала в широком масштабе. И чем скорее это будет сделано, тем больше будет обеспечено сохранение для последующих поколений описание жизни выдающихся деятелей прошлого и настоящего.

[XIV.]

Одной из главных трудностей с которыми неизбежно приходится сталкиваться психографу, заключается в том, что ему приходится иметь дело с миром психическим, отличительными признаками которого служит неустойчивость, неуловимость. К этому миру по преимуществу приложимо утверждение Гераклита—„все течет“. Учитывая изменчивость этого мира психограф может придать своему исследованию длительный характер, прослеживая ряд ступеней развития, описывая последовательно несколько эпох. С другой стороны психограф может поставить своей целью—дать представление о психике той или иной личности, относящейся к определенному, данному моменту. Программа длительного наблюдения имеет генетический характер, она пытается зафиксировать развитие данной личности. При этом психограф может пользоваться или „общей“ схемой психи-

биографом, если речь идет об общем развитии индивида, или „специальной“, если речь идет о развитии той или иной стороны данной личности. Программа момента имеет в виду не генезис, а структуру психики. Само собой разумеется, что составление такого рода характеристики личности, относящееся к определенному моменту, возможно лишь как некоторый компромисс. Дело в том, что такого рода характеристики должны быть составлены так, чтобы они могли иметь более общее значение. Под программой момента должна быть составлена так, чтобы в ней были налицо по возможности постоянные и существенные признаки. Но эти последние в известный момент могут быть не выявлены; вот почему при изучении психической структуры какой-нибудь исторической личности чаще всего приходится пользоваться материалом, относящимся к различным эпохам. Так что понятие „одновременности“ здесь применяется очень условно, ровно как и о постоянстве приписываемых какой-нибудь индивидуальности свойств можно говорить с большим ограничением. И это относится не только к периодам, для которых процесс изменения служит типичным признаком (детство, юность), но до известной степени и к более зрелому возрасту. Своего полного расцвета, законченности иные достигают очень поздно, для других вся жизнь есть стремление к полному развертыванию своей личности, в них заложена непреодолимая потребность искания новых идеалов, путем самосовершенствования.

Индивидуальное развитие зачастую не совершается непрерывно и это развитие не может быть выражено в форме прямой линии.

В жизни многих можно подметить целый ряд фазисов, следующих один за другим. Субъект зачастую переходит от одной деятельности к другой, пытается развивать, то одну, то другую способность, при чем одни интересы сменяются другими без какой видимой последовательности. Очень поучительна в этом отношении биография Л. Толстого. В поисках за своим призванием им были испробованы поочередно всевозможные виды деятельности, все силы, все способности. Сначала он светский молодой человек, затем офицер, сельский хозяин, педагог, беллетрист и т. д. Для людей подобного склада желательно составление ряда характеристик, относящихся к различным эпохам. Их сравнение дает возможность проследить, как изменялись важнейшие свойства личности, как усиливались или исчезали одни, замещаясь противоположными.

XV.

Полнота или меньшая полнота психогаммы зависит от целей, которые составляет себе исследователь, от установки

внимания психографа. Вообще говоря психограф должен обладать широким и подвижным вниманием, в фокусе его внимания должна быть вся психограмма в целом, со всеми ее многочисленными пунктами. Вместе с тем ему необходимо уметь увидеть за каждым внешним проявлением лежащее в основе его свойство. С этой последней точки зрения методы психографического исследования делятся на „наблюдающие“ и „объясняющие“. Эти методы различаются тем, что одни из них имеют в виду непосредственно доступные наблюдению явления; другие, наоборот, в наблюдаемом явлении видят лишь симптом лежащего в его основе свойства.

В этом случае перед психографом лежит трудная задача— суметь отличить то, чем фактически было данное лицо и чем оно хотело казаться в глазах других.

Знакомя лишь с общественной, публичной стороной жизни, биография всегда будет рисовать нам людей такими, какими они хотели казаться.

Как часто люди прекрасны и величавы на сцене жизни! Читая их книги, слушая об их подвигах мы невольно проникаемся восхищением к их личности. И как часто нас ждет горькое разочарование от знакомства с ними, как частными людьми—так часто мелочны оказываются они вблизи, так мало симпатичны их человеческие слабости. Но это обстоятельство не должно смущать психографа, который отнюдь не должен быть панегиристом, а скорее циником. Только в этом случае психографический материал будет обладать должной объективностью и поучительностью. Только при таком отношении к биографии есть возможность вскрыть слабости и недостатки великого человека, выявить, что мешало его росту, показать, как он боролся с ними, устраняя мешающие ему препятствия.

На ряду с чисто „объединяющим“ и „наблюдающим“ методом мыслим и промежуточный способ составления психограмм, когда психограф ясно проводит разницу между обоими этими точками зрения, ограничиваясь на первой ступени исследования регистрацией внешних проявлений, оставляя в стороне всякое истолкование, с тем чтобы перейти к нему на следующей ступени исследования.

Самый процесс регистрирования внешних или соответствующих им внутренних признаков может носить большую или меньшую систематичность. Он может быть совершенно лишен всякой методичности, каковы напр. те многочисленные школьные индивидуальные карты, заполняемые случайно, в зависимости от настроения лиц, ведущих такие записи.

С другой стороны исследователь может систематически прибегать к различным приемам собирания материала и, в таком случае, мы имеем дело с смешанным методическим приемом собирания. Типичным образцом такого метода может служить

обычное психопатологическое исследование. Клиническое наблюдение, экспериментальное исследование, собственные переживания больного, показания его близких и т. д.—все такие наблюдения привлекаются для составления характеристики больного. Наконец, исследователь может держаться какого-нибудь одного определенного метода, не пополюя его другим.

XVI.

Что касается автобиографического материала, то и здесь исследователю приходится быть очень осторожным в оценке пригодности этого материала. Правда, в биографии отсутствует приращение с помощью чужой психики. Но и здесь возможен целый ряд неточностей, объясняющихся ошибками самонаблюдения и памяти. Ошибки эти будут тем большими, чем менее способен автор к самонаблюдению и чем большим промежутком отдается описываемая эпоха от данного момента. К этому приращивается то обстоятельство, что и здесь автор не ограничивается об'ективной передачей переживаний и событий, но пытается представить свою жизнь, как, единый, непрерывный внутренне связанный процесс. Этим обуславливается наличие художественной обработки автобиографического материала, потребность восполнить пробелы. Еще сильнее конечно, эта тенденция в таких автобиографиях как „Детство“ Толстого, „Детство Теме“ Гарина и других, которые могут быть рассматриваемы как определенно художественные произведения. В этих последних элементы фантазии настолько тесно переплетаются с реальными переживаниями автора, что представляется затруднительным их разграничение.

Потребность излить свои чувства, поделиться своими переживаниями у людей чаще бывает при наличии подавленного, пессимистического настроения. Особенно это можно подметить, если обратиться к дневникам переходного возраста. С некоторой односторонностью в этом отношении необходимо считаться при изучении этого материала.

При изучении автобиографического материала, необходимо еще считаться с тем, что автор, повествуя о себе самом, по многим причинам обходит молчанием некоторые из своих переживаний. Например в дневнике Никитенко, после записи от 1 мая, значится такая запись от 19 августа: „Вот уже месяц, как я женат“ и на этом запись обрывается вплоть до января следующего года. А ведь женитьба, бесспорно, событие огромнейшей важности, между тем как этот факт остается совершенно обойденным в дневнике. И это не только потому, что это дневник касается главным образом общественной стороны деятельности автора. Огромное большинство автобиографий

касаются именно внешних фактов, мало затрагивая, обходя молчанием интимную область переживаний.

У Юнге, например дневник обрывается, как она сама говорит, в том месте, где лишь начинается жизнь. Вот почему почти всякая автобиография нуждается в пополнении сторонними сведениями. Очень типична в этом отношении автобиография кн. Е. Р. Дашковой. Много в отношении Екатерины II к своей сподвижнице было бы не ясно, если опираться только на записки Дашковой.

Элемент субъективизма, присущий всякой биографии, особенно конечно силен в автобиографии. Здесь всегда есть уклон или в сторону недооценки или переоценки значения собственного поведения и внешних фактов. Этот элемент можно подметить даже у таких авторов, как бл. Августин, Ж. Ж. Руссо. Пусть Руссо не падит себя в своих „Confessions“. Но и тут может возникнуть сомнение, что автор сказал о себе дурного слишком много или наоборот, слишком мало. Правда, он пишет, что с одинаковой откровенностью говорил про себя хорошее и дурное. „Я ничего не умолчал из того, что я сдслад дурного, но не прибавил ничего ко многим хорошим поступкам. И если я пользовался безразличными украшениями, то только, когда приходилось заполнить пробел в моей памяти... Я показал себя, каков я есть, презренный и подлый, когда я был таковым, добрым, великодушным и величественным—в других случаях. Я раскрыл мою душу, как Ты ее сам знаешь, Всевышний“...

Но мы знаем, что эта страстная тирада—лишь последний взгляд в зеркало великого актера, выступающего на сцену человеческой истории, что в „Исповеди“ Руссо много неправды. Имея в виду эту сознательную и бессознательную неправду Гете дает своей автобиографии подзаголовок „Wahrheit und Dichtung“. Это невольное смещение Wahrheit und Dichtung есть неизбежное свойство автобиографии, как только автор начинает говорить о себе. „Крайне досадной необходимостью нужно считать то, — говорит Спенсер— что в автобиографии слишком много приходится говорить о самом себе. Биография, несомненно всегда страдает отсутствием полноты, упущением важных фактов, а еще более несправильным толкованием тех из фактов, которые, быть может, не имеют того значения, какое придает им читатель. Читателю предоставляется самому разобраться в этом.“ Эту же мысль высказывает по поводу автобиографии Спенсера—Толстой. „В автобиографиях наиболее важные психологические явления часто вскрываются независимо от воли автора“. Пред исследователем стоит довольно трудная задача—вскрыть эти явления, суметь прочесть о них между строк, найти правильную середину в оценке личности в противовес „эгоцентризму“ автора.

XVII.

При изучении биографических данных для биографа огромный интерес представляет всякая мелочь, всякая деталь, с той или иной стороны, дополняющая сведения об интересующем его лице.

Полная биография нуждается в характеристике описываемого лица с внешней стороны, со стороны наружности, роста, комплекта и т. д. Буслаев в своих воспоминаниях приводит такое описание наружности Печорина: „он был небольшого роста, быстрый, ловкий в движениях, очень красивый собою, во всем был изящен и симпатичен, и в приветливом взгляде и в мягком владушевном голосе“. Это единственное описание наружности Печорина, которое мы имеем, без сомнения многое добавляет к тому, что известно о его душевных свойствах.

Таким описанием внешности пользуются уже давно живописцы при писании лика святых. Так о внешности Иосифа Савина, игумена Волоцкого монастыря, значится такое указание „Лидового Подлинника“: „Подобием сед, аки Сергей, брада помере Сергиевой, пошире, тупа... возраста умерен, лицем изобразен“. Антония Сийского тот же указатель так характеризует: „Подобием стар, сед, плешив, лицем скуд, брада расквата, пять космочков, аки Антония Печерского, поуже“...

Интересно отметить, что иконографический тип святых, особенно к своему характеру, более или менее сходен. Так судя из описанию в Сийском подлиннике изображение св. митрополита Филарета и св. Николая является сходным, что—по всей вероятности—объясняется не тем, что названные святые были похожи друг на друга, а скорее сходством их личного характера—прямота, решительность, твердость характера и т. д.).

В этих описаниях есть определенная схема, придерживаясь которой „Лицевой Подлинник“ и дает краткое описание внешности святого.

Аналогичной схемой должен воспользоваться и биограф, чтобы придать некоторую систематичность и полноту описанию внешности того или иного лица. Биографу здесь существенную пользу могут оказать те приемы, которые применяются в антропологии при описании человеческой наружности.

Что почему биография должна содержать и „словесный портрет“, т. е. систематичное описание (более или менее полное) человеческой наружности. Конечно, должны быть выявлены наиболее типичные признаки, при чем обозначающие их прилагательные должны обладать определенностью.

Помогать может некоторую помощь в этом отношении может оказать биографу та система, к которой прибегает полицейская практика для характеристики личности преступника. В

такой характеристике особенное внимание обращается на точность выражений, с помощью которых дается описание внешности. „До тех пор, пока та или другая анатомическая особенность наружности индивида, отличающая его от тысячи других лиц и дающая возможность запечатлеть ее в памяти, не получит точного названия, она останется незамеченной и как бы несуществующей. Уже давно известно что мы не можем выразить словами, также запечатлеть в мозгу то, что не можем описать“. Так говорит Бертillon, сделавший попытку создать словарь точного описания наружности человека. Выработанная им терминология характеризует внешние признаки с точки зрения их размера, вида и цвета. Вот какими признаками характеризуется в этой системе *рот*: сжатый, открытый, с опущенными углами, с приподнятыми углами, „сердечком“, опущенный левый или правый угол, рот кривой влево или вправо, открытые верхние десны, зубы с боросдками, выдающиеся зубы, недостаток верхних десен, вставленные зубы. По отношению к *осанке* здесь приняты такие свойства: напряженная, сгорбленная, распушенная, голова вытянута вперед или откинута назад, голова склонена вправо или влево.

Но как бы ни был точен и подробен „словесный портрет“, все же слово никогда не сможет ясно передать то, что действует как целое, нераздельное сочетание форм, цвета, неподвижности частей и т. д. Ведь всегда остается много такого, для чего необходимо прибегать к самому источнику впечатления—изображению, фотографии. Особенно ценны, конечно, фотографии, относящиеся к различным эпохам жизни данного лица. Биограф Владимира Соловьева-Величко, сравнивая различные фотографии Соловьева говорит: „Для человека, любящего всматриваться в лица людей особенно замечательных, весьма интересно проследить в хронологическом порядке перемены выражения на портретах Владимира Соловьева... На юношеской карточке Владимир Сергеевич суров, смел и полон веры в возможность дать много хорошего и положительного обществу. Тоже видно на портретах относящихся к первому периоду учено-литературной деятельности; исключение составляет лишь фотографический снимок, относящийся ко времени его поездки в Египет; там виден жизнерадостный и полнощекий юноша—иллюминат, очарованный широко зачерпнутыми чудесами мистического знания и светло смотрящий в будущее.

На фотографическом портрете, работы Чеснокова, относящемся к 90-м годам, почивший мыслитель глядит с покойным сознанием, что пройденный путь немалый, сделано много, но можно сделать еще больше. В середине тех же годов известный художник Ярошенко написал портрет Влад. Сергеевича Соловьева, которого изобразил уже усталым, с глубокой грустью в глазах.

Истинно трагическое впечатление производят последние портреты... Человеку, знавшему Владимира Сергеевича, прямо тяжело глядеть на них, столько отразилось там безысходной борьбы, столько сомнения в людях и даже в самом себе“.

Конечно, научный подход к подобного рода иконографическому материалу дает возможность более точно и систематически произвести сравнение и изучение изображений, иллюстрирующих жизнеописание того или иного лица, кроме того и здесь есть возможность использовать одну из разновидностей „метода выражений“, столь употребительного в области экспериментальной психологии. Правда, опытное изучение проявлений человеческой мимики и соответствующих им психических процессов еще только намечается. Но одновременное применение фотографии и электричества в этой области обещает быть особенно плодотворным. Такова напр. работа *Дюшана*, сделавшего попытку приложить электричество к изучению действий различных мускулов лица и снимавшего фотографические изображения этих выражений с целью выяснить, какое сокращение мимики соответствуем тому или другому душевному настроению.

Конечно, фотография имеет дело с настроением данной минуты, фиксирует порой мало характерный момент жизни. Проникновение искусства, портрет является нередко ценным дополнением к фотографическим снимкам, поскольку художник пытается выразить наиболее типичное, характерное для данного субъекта. Особенно много может дать сличение нескольких подлинных портретов, так как каждый из них мог передать какую-нибудь черту, оставшуюся менее явственной на других или направить лучше и полнее известную особенность данного лица в тот или иной период его жизни. Конечно, такое сравнение возможно лишь по отношению к некоторым, выдающимся личностям, по отношению к которым был проявлен современными особенный интерес. Таково напр. собрание портретов Пушкина („Пушкин в портретах“ С. Либровича); иконографии того же Пушкина посвящает особую главу Анучин в своем исследовании о Пушкине, где автор делает подробный анализ портретов знаменитого поэта, начиная с самых ранних. Конечно, массовое коллекционирование и изучение фотографий и портретов, собранных по биографическому методу, даст возможность установления, нахождения сходства в портретах, относящихся к различным периодам и т. д.

Что касается графологического анализа, то и здесь для биографа многое может представлять интерес: характер самого почерка, образцы черновиков, корректурные отметки и т. д.

Правда, научный анализ почерка еще далек от того, чтобы можно было сделать какие-нибудь твердые выводы о соотношении его с той или иной психической особенностью пишущего. Но все же опытное изучение и в этой области бесспорно спо-

собно дать многое. Вот почему собрание автографов, почерков, черновиков, должно идти параллельно с собиранием других биографических документов.

Изучение языка того или иного автора, также может быть использовано для характеристики данного лица. Возможность сравнительно легко изолировать этот вид внешнего выражения, а также возможность классификации и сравнения побуждает психологов обратить особенное внимание и на изучение характера речевых выражений. Речь писателя изучается с точки зрения длины слов, частоты зрительных или акустических образов и т. д. Такого рода анализ дает возможность судить и о некоторых сторонах личности писателя, о его типе представления, направлении его интересов, фантазии, склонности к метафоре, конкретности или абстрактности его представлений и т. д. Исследователь обычно берет наиболее типичное произведение (или ряд произведений) какого-нибудь автора, подсчитывает общее число слов, затем подсчитывает число интересующих его выражений. Если дело идет о цветах, то он может подсчитать общее число упоминаний цветов, высчитывает упоминание определенного цвета к общему числу и т. д. Изучив несколько произведений, относящихся к различным периодам, можно выяснить как менялось словоупотребление у одного и того же автора. В этой области особенно много сделано К. Гроссом и его учениками. Ими изучены оптические и акустические выражения у Шиллера, зрительные слова у Шекспира, (в его недраматических произведениях) и т. д. Сравнительное изучение произведений Гете, Шиллера, Шекспира показало, что Шиллер пользуется слуховыми представлениями чаще, чем Гете и гораздо чаще, чем Шекспир (тип акустический по преимуществу). С другой стороны это же изучение показало, что Шиллер в молодости употреблял вдвое более зрительных представлений, чем молодой Гете. Впрочем и у Гете они в старости все более и более исчезали.

XVIII.

Биографический материал как объект изучения, представляет огромный интерес для целого ряда дисциплин прикладного характера, и в первую очередь для педагогики. Много было говорено о том огромном значении, которое имеет для подрастающего поколения знакомство с биографиями великих людей родины. Но все же школа до сих пор очень мало и не систематично пользуется этим материалом, как средством воспитательного воздействия. И если она до сих пор не пользовалась этим средством систематически, то одной из причин этого было отсутствие подходящего материала, недостаточное внимательное отношение к этому воспитательному материалу.

Материал этот должен быть создан путем тщательного изучения и подбора таких биографий, влияние которых было бы действительно в том или другом отношении. Должна быть изучена детально техника этого влияния на юную душу. Как преобладают образы великих людей прошлого в юной душе? Какие стороны их деятельности оказывают особенно сильное влияние? В каком соответствии это влияние находится с национальностью, возрастом, полом, индивидуальными особенностями юноши? Чем руководится юноша, выбирая в качестве образца для подражания то или иное лицо? Тем ли, что основные свойства этого лица особенно близки его собственным или, наоборот, потому что их то ему и не достает?

Несмотря на огромную важность всех этих вопросов, до сих пор они не подвергались систематическому изучению. Лишь некоторые данные по этому вопросу можно найти в тех многочисленных анкетах о детских идеалах, которые были произведены почти во всех культурных странах. То обстоятельство, что методика этих опытов была почти всегда одна и та же, дает возможность сравнить результаты этих опытов, произведенных в различных странах. ¹⁾ Школьникам предлагалось ответить на вопросы: *„но кого бы мне больше всего хотелось иметь похожим из тех людей, кого я видел, или о ком я слышал и читал? Почему именно на него?“* Если сравнить по национальностям, то ответы детей начальных школ распределяются так, как это представлено в таблице на стр. 34.

Эти результаты показывают, что у каждой нации есть свои наиболее любимые школьниками герои, которых они и берут за образец для подражания.

Более детальный анализ этого перечня великих личностей, мог бы показать влияние национальных черт на самый подбор имен. По крайней мере в характере мотивов, приведенных русскими и немецкими школьниками, можно подметить существенную разницу. Если в смысле знакомства с великими людьми родины наши школьники отстают от своих западных товарищей, если они уступают им в отношении умственного и эстетического развития, то едва ли это можно сказать относительно нравственного развития. По крайней мере мотивы, приводимые русскими школьниками при выборе того или другого лица имеют большую альтруистическую окраску сравнительно с ответами немецких школьников. Вообще же школьники обнаруживают слабое знакомство с великими людьми своей родины. Особенно это заметно по отношению к русским детям. Ни один национальный герой среди русских школьников не собрал

¹⁾ Рыбников П. Деревенский школьник и его идеалы. М. 1916.

ИДЕАЛЫ ШКОЛЬНИКОВ

Русские деревенские		Немецкие (Саксония)		Норвежские		Шведские		Немецкие евреи.		Швейцарские	
						мальч.	дев.				
1) Пушкин . . .	3,6	Лютер	8,8	Христос	12,7	Густав II Адольф	22,4	Гинденбург . .	2,5	Иисус Христос .	4,1
2) Ломоносов . .	3,3	Бисмарк	2,6	Tordenskjold . .	5	Густав Ваза . .	7,6	Вильгельм II . .	2,2	Песталоцци . . .	3,5
3) Толстой . . .	1,9	Вильгельм II . .	2,3	Бог	4	Эдиссон	5,7	Гете	1,9	Телль	3,4
4) Царь	1,8	Король Фридр.		Wargeland . . .	3,4	Карл XII	3,8	Шиллер	1,5	Винкельрид . . .	2,3
5) Петр Велик. .	1,7	Август III . . .	1,7	Бьеренсон . . .	2,1	Evjen Heden . .	3,6	Иосиф II	1,3	Королева Берта	0,9
6) Суворов	1,4	Королева Луиза	1,3			Anna M. Len-					
7) Крылов	1,1	Фридрих Велик.	1,2	Иосиф	0,9	gren	—	Моисей	0,9	Св. Мария . . .	0,8
8) Стефенсон . .	1	Шиллер	1	Amundsen	0,8	Зельма Лагерлеф	1,8	Бисмарк	0,9	Рудольф Эрлах .	0,7
9) Александр II .	0,7	Вильгельм I . .	0,9	Король Ганкон	0,7	Buffalo Bill . .	1,7	Кернер	0,9	Dufour	0,5
10) Гоголь	0,6	Телль	0,8	Jorgen Moe . . .	0,7	Робинзон	1,5		0,9	Шиллер	0,4
11) Екатерина . .	0,6	Карл Великий . .	0,7	Ozkar Mathisen .	0,6	Оскар II	1,5	Равви Акиба . .	0,6	Царь Давид . . .	0,4
12) Тарас Бульб .	0,6	Цеппелин	0,6	Авраам	0,5	Gustav Froding .	1,3	С. Р. Гирш	0,6	Авраам	0,4
13) Робинзон . . .	0,6	Густав Адольф .	0,5	Olav Heclige . .	0,5	Jonas Alstomer .	1,3	Кронпринц . . .	0,6	Niel. Thut	0,3
14) Князь Се- ребрянный . . .	0,5	Гете	0,4	Наполеон	0,5	Per Wieselgoren .	1,3	Уланд	0,6	Niel. Flue	0,3
15) Кольцов . . .	7,4			Вашингтон . . .	0,5	Эдиссон	1	Авраам	0,3	Моисей	0,3
16) Владимир Мономах	0,4			Нансен	0,5	Linne	0,6	Давид	0,3	Гоуденберг . . .	0,3
17) Князь Ольга .	0,4			Лютер	0,4	Карл Ларсон . .	1,3	Соломон	0,3	Наполеон	0,2
18) Александр I .	0,1			Давид	0,3	Verner von . . .	0,2	Крупп	0,3	Escher v.d. Linth	0,2
19) Владимир Святой	0,1			Olav Budbeck . .	0,3	Herdenstein . .	0,8	Тирниц	0,3	Uli Rotach	0,2
20) Плещеев . . .	0,1			Ибсен	0,2	Friderika	—	Ласкер	0,3	Hans Winz	0,2
				Бреммер	0,9	Bremer	0,6	Веддинг	0,3	Лютер	0,1
				Колумб	0,15	Ausgar	0,6				

такого количества голосов, как это можно было подметить, по отношению к школьникам других наций, в особенности по отношению к американским школьникам у которых имя Вашингтона упоминается в количестве $\frac{1}{3}$ голосов. На ряду с этими различиями, которые должны быть отнесены на счет национальных свойств, можно подметить и целый ряд общих свойств. Так некоторую закономерность можно подметить в том факте, что школьники младших возрастов реже указывают исторических лиц, писателей, общественных деятелей. Сначала дети выбирают более „блиские“ идеалы, лиц из своей семьи, родственников, знакомых. Так для русских школьников на первом месте среди этих близких идеалов стоит учитель, затем товарищ, мать, отец, дядя, тетка, местный купец и т. д. С возрастом расширяется умственный горизонт ребенка, он критически начинает присматриваться к окружающим, реже берет их в качестве идеала. Число „местных идеалов“ постепенно падает, и в этом падении кривой, можно подметить некоторую закономерность, если сравнить результаты, полученные для детей разных наций.

Следует отметить, что падение кривой местных идеалов у русских школьников совершается с большой медлительностью, сравнительно с их западными товарищами, которые скорее эмансипируются от влияния окружающего. Русские школьники слабо знакомы с великими людьми своей родины, на них менее заметно влияние великих личностей прошлого и настоящего. Впрочем и западные школьники обнаруживают недостаточное знакомство в этом отношении. Влияние школы здесь оказалось слишком слабым. А ведь именно на школе лежит обязанность привести ребенка в общение с великими душами, примером которых мог бы воодушевиться ребенок, она должна примерами великих дел и сильных личностей, сумевших осуществить эти дела, внушить ему представление того высшего и лучшего, к чему он должен стремиться. Ибо назначение воспитания, говорит Мюнстерберг, состоит в том, чтобы дать мальчикам и девочкам желание и способность содействовать осуществлению идеальных ценностей. Конечно, это внушенное со стороны школы должно быть сделано в форме, доступной конкретному уму ребенка, т.е. в форме примера, образа, биографии, приноравленной по своему изложению к наличным интересам ребенка.

XIX.

До сих пор в педагогике мало обращали внимания на эту сторону дела, мало интересовались, изучали влияние великих личностей прошлого на подрастающее поколение. Тем, кто присматривался к нашей молодежи именно с этой стороны, хорошо известно, как слабо знает она биографии своих национальных героев, как плохо она ориентирована в биографической литературе, как мало она с ней знакома. Но кроме личных впечатлений о том же говорят и некоторые более систематические наблюдения. С целью получить некоторые указания по этому вопросу нами был организован в январе 1913 г. опрос в пяти московских женских гимназиях. Ученицам 8-го класса предлагалось в письменной форме (анонимно) ответить на вопрос: „Из тех людей, о которых я слышала или читала, кого видела или с кем встречалась—чья личность произвела на меня наиболее сильное впечатление? Почему?“ В инструкции предлагалось писать правдивые ответы или совсем не отвечать. Подсчет 74 ответов, на первый вопрос дал такие результаты: ученицами были названы 64 лица. Вот список названных: Леонардо-да-Винчи (3 раза), Пушкин (3 раза), Толстой (3 раза), Чехов (3 раза), Керенский (3 раза), Достоевский (2 раза), Петр Великий (2 раза), кн. Андрей Болконский (2 раза), Раскольников (2 раза), Бетховен (2 раза), Чайковский (2 раза).

По одному разу названы: Христос, Наполеон, Оскар Уэльс, Мартин Лютер, Кити (из ром. „Анна Коренина“), Наташа Ростова (из ром. „Война и мир“), Юлий Цезарь, Елена (из ром. „Накануне“), худ. Верещагин, Вересаев, Арцыбашев, Мордвин, Лафонтен, Ф. Опискин (село Степанчиково). Целый ряд ответов не называет имен, говоря лишь в общей форме напр. „наш учитель математики“, „моя подруга“, „наш доктор“ и т. д. Восемь ответов определенно заявляют, что им некого назвать, что ничья личность на них не произвела особенно сильного впечатления, „все люди для меня окрашены одинаковой краской“.

Простой перечень имен говорит, конечно, очень мало, ибо оценка личности и ее влияния всегда носит субъективный характер. Вот почему особенный интерес представляет вторая половина ответов, содержащая мотивировку выбора. Какие же свойства личности производят особенно сильное впечатление, чаще других упоминаются в качестве мотива выбора? На первом месте стоит „альтруизм“—12 раз; на втором: „свободная воля“—11 раз; на третьем не совсем определенное ссыла на „обаяние личности“—10 раз; Затем идут „ум“—9 ответов

5) „способность ярко изображать душевные переживания“—8; 6) „сильный характер“—7; 7) „красноречие“—6; 8) „лишение и страдание за идею“—5; 9) „Правдивость“—5; 10) „Честность“—5; 11) „Талантливость“—5; 12) „Чуткость“—4; 13) „Многосторонность личности“—4; 14) „Сильная личность“—3; 15) „Борьба за свободу“—3; 16) „Материнская любовь“—3; 17) „Нравственное совершенство“—3; 18) „Доброта“—2; 19) „Гениальность“—2; 20) „Простота“—2; 21) „Полезность народу“—2; 22) „Верность чувству“—2; 23) „Любвеобилие“—2; 24) „Гармоничность личности“—2; 25) „Бодрость“—2; 26) „Интересность“—2; 27) „Разочарованность“—2; 28) „Неудовлетворенность“—2; 29) „Определенность идеала“—2; 30) „Не сходство с личными свойствами“—2;.

По одному разу названы такие свойства: „благородная душа“, „постоянное искание“, „прогрессивная личность“, „личная судьба“, „умение влиять на других“, „любовь к прекрасному“, „новизна идеи“, „сила протеста“, „приближается к моему идеалу“, „чувство долга“, „веселость характера“, „патриотизм“, „риск жизнью“, „гордость“, „умение оправдать дурное в человеке“, „безнадежный пессимизм“, „эпикуреизм“, „манера петь“, „манера одеваться“, „омерзительность“, „двуличность“. Всего названо 158 свойств. Большинство отвечавших не ограничиваются одним мотивом, а чаще всего приводит их несколько.

Таковы те результаты, которые нам удалось в этом предварительном опыте. В другом случае мы видоизменяем условия этого опыта так, что писали на доске 15 наиболее известных имен, предлагая учащимся указать, кто из названных лиц произвел наиболее сильное впечатление. В этом опыте чаще других были названы: Чехов (3), Пушкин (3), Достоевский (3), Чайковский (3), Толстой (2), Керейский (2), Петр Великий (2), Бетховен (2), Ломоносов (1), Шингарев (1), Лермонтов (1). Вообще говоря, результаты обоих опытов (со свободным и связанным выбором) в некоторых пунктах сходятся. В обоих опытах на первом месте стоят почти те же имена, хотя в последнем случае есть и такие имена, которые в первом опыте не встречаются. Чайковский напр. стоит на первом месте, Бетховен на втором и т. д., в первом же случае они совсем не упоминаются. Быть может эту разницу надо отнести на счет изменения методики опыта. Дальнейшее изменение методики должно было бы заключаться в том, что опыту следовало бы предпослать краткое и объективное ознакомление с биографией, каждого, даваемого для выбора лица. Это гарантировало бы большее единообразие опыта, более или менее одинаковую осведомленность участников опыта относительно даваемых для выбора имен. Такой подбор имен должен быть сделан так, чтобы список их давал взаимно дополняющие разновидности

человеческих характеров, давал бы представителей различных видов деятельности и т. д. Конечно, ответы анкеты будут особенно показательны, если они будут приведены в связь с самыми глубокими индивидуальными особенностями отвечающих. Подобная статистика, изучение детского чтения и др. аналогичные приемы также должны быть привлечены в качестве вспомогательных средств для решения поставленного выше вопроса о технике влияния биографий на юные души.

XX.

Сравнивая ответы школьников об их идеалах можно отметить сравнительную скудость идеалов религиозного характера у русских школьников. Лишь около 0,2% мы насчитали ответов, которые мы могли бы отнести к области религиозных идеалов, тогда как в ответах немецких детей таких ответов оказалось 10% у мальчиков и 12% у девочек. Среди названных русскими школьниками святых совсем не встречается упоминание национальных святых. А это, в свою очередь, говорит о том, что наши школьники мало или даже совершенно не знакомы с жизнью и деятельностью тех, кто фактически долгое время были единственными учителями нравственности нашего народа. Наши праведники—это лучшие сыны своего народа и уже поэтому являются лучшими выразителями народной души. Это зачастую были деятели, всю жизнь отдавшие в поиски высшей правды. Это были практические моралисты, всю жизнь учившие народ нравственности примером собственной жизни. По отношению к некоторым святым нельзя также отрицать их крупной общественной роли. Правда, этот биографический материал до сих пор не был доступен для объективного изучения. Теперь, когда эта трудность устранена, изучение житийного материала является очередной задачей. Это изучение прежде всего расширит область приложения биографического метода, будет способствовать выработке правильного взгляда на роль и значение праведников в жизни широких народных масс. С другой стороны это изучение облегчит понимание психики этих масс, поскольку наши праведники были носителями нравственных идеалов этих масс. Для самого народа житийный материал в объективном освещении дал бы возможность знакомиться с своим прошлым, с той сферой древне-русской жизни, где всего сильнее чувствуется влияние нравственной силы народа.

Психологический анализ житийного материала бесспорно способен дать много для понимания психологии религиозного

чувства, для психологии индивидуальных отличий, для уяснения психической структуры религиозно-созерцательного типа. Научный подход к житиям тоже даст немало поучительного.

Те затруднения, на которые мы указывали по поводу изучения биографий, еще в большей степени имеют силу для приступающего к изучению житийного материала. Здесь гораздо заметнее сказывалась предвзятость составителя житий, поскольку ему приходилось иметь дело с уже признанным святым, образ которого должен отвечать тому идеалу святости, который господствует в данную эпоху.

„По литературной задаче житий, говорит Ключевский, биографические факты служат в нем только готовыми формами для выражения идеального образа подвижника“. Ради приближения жития к такому идеалу составители их нередко дополняли, искажала своими догадками, не проводили резкой разницы между фактическими данными и легендами, творимыми вокруг имени тех, жизнь которых должна существенно отличаться от жизни обыкновенных смертных. Чем выше ставило религиозное сознание личность того или иного святого, тем меньшею объективностью отличается и житие данного святого. „Обилие и качество биографического материала—говорит тот же Ключевский—находится в обратном отношении к чествованию святых“.

Личность святого редко интересует составителя жития, для него гораздо важнее высказать догматическую истину, моральное поучение. Он из биографии выбирает лишь такие черты, которые нужны для его цели.

„Добрословие“ и „плетение словес“ является характерным для житий, как особой литературной формы.

XXI.

Одну из немногих попыток учесть воспитательную ценность жизнеописаний великих людей делает Монте („d'Education", Juin, 1910). По его мнению большинству великих личностей, независимо от их направления и интеллектуальных качеств, присущи некоторые общие черты. Эти свойства бывают четырех родов: 1) душевная цельность и сконцентрированность; 2) неиссякаемая энергия; 3) трагизм и 4) благородство. Соответственно этому и биография, прежде всего, должна показать какую огромную роль в жизни великих людей играли непрерывный труд и упорное стремление к цели, порой очень далекой, но неизменной. Биография должна иллюстрировать то положение, что великие дела всегда есть результат долгих и упорных усилий, и

что единство и постоянство цели являются одним из сильнейших условий успеха в деле осуществления желаемого идеала.

На ряду с этим биография должна показать, какую огромную роль в жизни великих людей играла сильная воля „уметь хотеть“. Лишь благодаря упорству своей воли многие из них выдвинулись в первые ряды. Ценой упорного напряжения воли многими из них достигнута та внутренняя гармония жизни, та идеальная координация действий, благодаря которой такими привлекательными кажутся их жизнеописания.

Третий признак, столь характерный для жизни многих великих людей, это трагизм их существования. Их одиночество, непонятость современниками, страдание, а нередко и смерть за идею придает особенную убедительность этим идеям. Их жизнь, благодаря этому, является ярким примером, способным вдохновить юного читателя. Прочтя биографию таких людей и переживавших их страдание ребенок научится быть великодушным и снисходительным к слабым, поймет дисциплинирующую силу жизненных конфликтов, научится „свободно, смело, прямо“, встречать удары судьбы.

Наконец, биографии имеют и то огромное значение, что являются своего рода школой благородства, нравственности и высоком значении этого слова. Истинно великие люди, говорит Монте, являются образцами искренности, нравственной стойкости и бескорыстия. Их величие лежит в их личном достоинстве, а это последнее зависит не столько от интеллектуальных качеств, сколько от нравственной чистоты намерений, от силы воли, от характера его отношений к окружающим.

XXII.

В недавнее время от учителей требовалось ведение дневников, содержащих записи проступков их воспитанников и т. д. Какой огромный биографический материал могли бы собрать учителя, если бы вместо этих ненужных записей заносили бы день за день в свой дневник весь ход умственного развития своих учеников, их хорошие и дурные свойства. Ведь постоянное общение с ребенком, всегда дает учителю много преимуществ по части наблюдения над воспитанником. Честность, добросовестность, настойчивость, честолюбие, аккуратность, точность, любознательность и т. д.—все эти свойства могут быть при умении и желании вскрыты во время повседневной классной работы. Разве один вид тетради ученика, порядок в парте, одежде, не расскажут учителю о таких свойствах, как аккуратность. О настойчивости своего питомца он может су-

зависит по отношению ученика к тем учебным предметам, которые ему наиболее трудно даются. Одним из требований, которые предъявляются современному учителю—это необходимость индивидуализировать обучение. А это положение, в свою очередь, в качестве необходимого предварительного требования предполагает знакомство с индивидуальными особенностями. Длительность, преемственность и систематичность подобного рода наблюдений учителя возможны лишь в том случае, если к наблюдению подготавливается заранее выработанной схемой записи. „Это—личные карточки“, „индивидуальные карты“, которые должны заменять привычные кондуктные тетради. Было бы очень желательно, если бы были выработаны *одинаковые* для разных типов школ „личные карточки“, если бы в работе наблюдения была преемственность, чтобы с переходом ученика от одного учителя к другому ведение записей не прекращалось бы, если бы записи велись в течение всего пребывания ребенка в школе. Большую полноту эти записи имели бы в том случае, если бы в них заносились краткие сведения о дальнейшей судьбе воспитанника по выходе его из школы. Такого рода сведения позволили бы учесть воспитательное влияние школы, проверить те надежды и предсказания, которые невольно делаются учителем по поводу будущей судьбы своего воспитанника. Для целей однообразного ведения и большей точности записей—схеме должны быть предпосланы руководящие указания и точное обозначение главных психических свойств, подлежащих наблюдению. Хотя в некоторых школах и введены „индивидуальные карточки“, но пока еще этот материал не был предметом научных исследований. Как на первые попытки в этом направлении можно указать на опыты Бине, который на основе наблюдений над своими дочерьми 13 и 14½ л. сделал опыт составления более или менее полных психогрaмм. Более широкий характер носят психологические опыты Гейманса, собравшего около 4000 психогрaмм детей школьного возраста, при чем индивидуальные карты содержали перечень 81 свойств. Но этот материал еще не подвергнут психогрaфическому исследованию.

XXIII.

Известно, какую огромную роль играет книга о выработке личности, в поисках за мирозерцанием. Наблюдения и опыты в этом отношении очень убедительно говорят о силе того влияния. Но пока очень мало учтено это влияние со стороны биографической литературы, хотя и принято говорить о значительности этого влияния. В связи с пересмотром нашего

отношения к биографическому материалу, на очередь должен быть поставлен вопрос об учете и регулировании этого влияния со стороны биографий на юную душу. Быть может в первую очередь этим учетом следовало бы заняться тем, кто непосредственно имел дело с книгой и с читателем, т.-е. библиотечарю.

Этот контингент работников теперь нередко привлекается к изучению психологии читательных масс. Небесполезно было бы их участие в решении вопроса о влиянии биографической литературы. Заполнение читательских анкетных бланков было бы наиболее доступным первым шагом в этом направлении. С другой стороны можно было бы предлагать к биографии вопросник, на который рекомендовалось бы читателю ответить. И эти вопросники должны быть составлены таким образом, чтобы они давали возможность юному читателю выявить главнейшие стороны личности героя. Так для старшего возраста такой вопросник мог бы быть разбит на три части:

- 1) Как данная личность сумела определить себя, как творца на определенном поприще (*психологистика*)
- 2) Каковы приемы воздействия на других (*психотехника*).
- 3) *Характер творчества.*

Каждый из отделов должен быть раскрыт в вопроснике более подробно. Так в отделе „психологистики“ могут быть такие вопросы.

- 1) Прямой или зигзагообразный путь раскрытия призвания; 2) Сознательность или бессознательность процесса раскрытия „я“; 3) Роль внешних и внутренних факторов в самоопределении. 4) Первоначальный идеал, его изменения, составные элементы. 5) Соответствовало ли призвание подлинным сторонам „я“. 6) Откуда черпался материал для построения идеала—извне или изнутри, 7) Настойчивость, упорный труд, роль самовоспитания в процессе искания. 8) Роль чувства. 9) Уверенность, вера в собственные силы, откуда она черпалась. 10) Эгонистические моменты и их роль в поисках призвания. 11) Чувство долга и его роль. 12) Влияние школы, товарищества. 13) Влияние чтения книг. 14) Единство, цельность, полнота идеала и т. д.

В отделе „психотехники“ могли бы быть такие вопросы: 1) Секрет влияния и в чем он заключался. 2) В самой ли личности или вне ее, лежали условия, благоприятствующие этому влиянию. 3) Какие свойства личности обуславливали это влияние. 4) Какие врожденные свойства способствовали успеху влияния. 5) Выработался ли успех влияния опытом, упражнением, и чем они заключались. 6) Роль чувства веры в себя. 7) Сознательность воздействия на других. 8) Роль чувств высших и низших. 9) Характер воли. 10) Характер выбора целей и средств действий. 11) Умение сообразовывать цели и средства. 12) Умение разбираться в людях, в какой мере оно способствовало успеху, как вырабатывалось. 13) Оригинальность техники влияния. 14) Телесные свойства, обуславливающие секрет успеха и т. д.

В отделе „творчество“ могли бы быть такие вопросы: 1) Сознательность или бессознательность творчества. 2) Характер творчества, оригинальность или компилятивность. 3) Широта, узость объекта творческого воздействия. 4) Роль ума, воли и чувства. 5) Степень развития отдельных сторон ума, воли и чувства. 6) Систематичность работы. 7) Роль построения. 8) Влияние внешних побуждений. 9) Профессиональные навыки, их роль и выработка. 10) Личная удовлетворенность от творчества, как такового. 11) Постоянство в направлении творчества. 12) Личная жизнь и творчество. 13) Подъемы и падение продуктивности. 14) Влияние возраста, времени года, дня на продуктивности и т. д.

Такого рода опыты и вопросник не только помогут собрать материал по вопросу о влиянии чтения биографической литературы, но во многом окажутся, пригодными будущему художнику биографу. С запросами самих читателей, их психологией им необходимо считаться при создании образа того или иного героя. Опыты и наблюдения убедительно говорят, что наша молодежь мало знакома с биографической литературой, и главной причиной этого служит отсутствие интересных для них биографий. Такая литература должна быть создана и для целей систематичности в этой области должна быть создана специальная организация, которая взяла бы на себя почин в этом деле огромной важности. У каждого возраста есть свои интересы и идеалы и для каждого возраста должны быть подобраны наиболее типичные и яркие носители этих интересов и идеалов.

Вообще говоря, жизнеописания великих людей полны притягательных черт для детского возраста, испытывающего особую потребность во всем сказочном, величественном, героическом. На ранних ступенях эта потребность удовлетворяется сказками. Ребенок испытывает тем большую страсть к сказкам, чем менее он знаком с действительными пределами возможного. На смену волшебным сказкам должны придти сказки жизни, ибо жизнь великих людей тоже сказка, в особенности для ребенка, благодаря его малой осведомленности, склонности к преувеличениям, незнанию с существованием в жизни обратной стороны медали. Самое важное в педагогике состоит в том, говорит Джемс, чтобы ковать железо, пока оно горячо, другими словами — использовать еще до их отлива те волны энтузиазма, с каким учащиеся поочередно подходят к различным предметам". В особенности важно использовать различные формы подхода ребенка к человеческой личности, представленной в форме биографии. Пусть ребенок по своей природе сильно внушаемый, будет испытывать действие внушения со стороны человеческих личностей, их великих дел и мыслей, пусть в каждом возрасте у него будут герои, могущие послужить примером, способные вызвать к жизни „волны энтузиазма“, дремлющие патентональные силы. „Героические примеры прошлых времен — говорит Смайльс — являются источником мужества и храбрости каждого поколения, манящие тени великих деятелей прошлого, люди спокойно и бодро идут на самые опасные предприятия". Вот почему исторические биографии Плутарха были до известной степени могущественными воспитателями характеров.

„Читая биографии разных выдающихся людей Зап. Европы XVII—XVIII столетия, говорит А. Скабичевский, мы видим, какую большую роль в их юности сыграл Плутарх с его сравнительными биографиями великих людей и героев древности;

они носились с Плутархом, грезили и бредили его героями". До некоторой степени тоже можно сказать и о наших декабристах. По крайней мере в своих показаниях Кажовский писал: „С детства изучая историю греков и римлян я был воспламенен героями древности". И эта черта, свойственная далеко не одному декабристу. „В это время—пишет в своих воспоминаниях И. Д. Якушкин,—мы страстно любили древних: Плутарх, Тит Ливий, Цицерон, Тацит и другие были у каждого из них почти настольными книжками. Наше юношество не бредит уже героями прешлого, в школе „культу героев" отводят очень мало места, и юноша принужден обращаться в поиски за образцами великих личностей к литературе, имеющей очень сомнительное воспитательное значение.

Быть может органическая наследственная болезнь новой России—*безволие* имеет связь с таким отношением школы к „культу героев".

XXIV.

Если изучение биографии имеет столь существенное значение, то этому изучению необходимо придать организованный систематический характер. Должна быть создана организация, которая бы взяла на себя роль собирателя, систематизатора в широком масштабе биографического материала. Такого рода организация мыслима, как специальный *Биографический Институт*, который и должен взять на себя две основные функции, во первых—систематическое, всестороннее научное *изучение* человеческих биографий. Вместе с тем Институт должен ставить целью также и *сохранение* для последующих поколений описание жизни выдающихся деятелей прошлого и настоящего. Для осуществления обоих этих целей Институт собирает всевозможные документы, относящиеся к жизни деятелей на различных поприщах (как прошлого, так и настоящего). Такими документами могут быть биографии, автобиографии, дневники, семейные архивы, записки, воспоминания, письма, некрологи, *сommiculum vitae*, фотографии, почерки, фонограммы, продукты творчества и т. д. Всестороннее изучение такого рода материалов даст возможность воссоздать образы личностей прошлого, сохранить их для потомства. Главное же, научная обработка собранного в огромном числе биографического и автобиографического материала, могла бы обогатить чрезвычайно ценными выводами целый ряд дисциплин, имеющих то или иное отношение к человеческой личности. Особенно много от такого рода изучения может ждать дисциплина, которая изучает душевный мир человека, т.-е. психология, как общая, так и мно-

гочисленные отрасли специальной психологии; учение о характерах, генетическая психология, этническая, прикладная, психология творчества и т. д. На ряду с психологией, изучение огромного числа человеческих личностей, различных времен, народов, классов, положений и т. д. окажется весьма ценным для истории, экономической науки, педагогики, для истории быта, культуры, торговли, техники, а также для истории наук вообще. Не мало поучительного в этой области можно будет найти для решения проблемы наследственности, одаренности, для патологии. Работа Института может иметь и чисто практическое значение: изучение жизни многих деятелей на различных поприщах поможет учесть их жизненный опыт и для будущих поколений. Сохранение возможно большего числа биографий будет способствовать накоплению этого жизненного опыта для будущего. Институт должен представлять из себя как бы графическую память человечества, из поколения в поколение передавая накопленный людьми жизненный опыт и знания. Вместе с тем Институт должен быть международным адресным столом, где будет зафиксирован всякий, так или иначе отметивший свой жизненный путь. Биографический Институт, если бы его удалось создать, был бы наиболее достойным памятником выдающимся деятелем прошлого, тем, кто с честью прошел „свой доблестный путь, благодарный“. Его создание показало бы, что общество прониклось сознанием необходимости более бережного, внимательного отношения к человеческой личности, к своему прошлому, сознанием, что мы люди не вчерашнего дня, что мы имеем прошлое. Недоценка этого прошлого, его влияние на настоящее, характерна для нас — русских. „Мы так положительны, писал Пушкин, что прошедшее для нас не существует. Мы на коленях перед настоящим случаем, успехом, но очарование древности, благодарность к прошедшему и уважение к нравственным качествам у нас“... Переживаемая нами година побуждает нас внимательно вглядываться в прошлое, мы только теперь начинаем открывать себя и свою старину, русскую старину... Вот почему последние годы отмечены повышенным интересом ко всякого рода воспоминаниям, запискам, мемуарам, хроникам, письмам и т. д. Весь этот богатый материал может и должен быть исследован с точки зрения различных дисциплин, для которых он даст много ценных наблюдений, сравнений и т. д.

Поскольку же наука интересуется наиболее типичным — было бы еще не необходимым вызвать к жизни и сохранить описание жизни средних людей, о которых (говорит Рескин) „мир и не думал и не слышал, но которые теперь исполняют главную долю его работ и от которых мы можем лучше всего научиться, как исполнять их“.

В соответствии с намеченными выше целями работы Института должно носить тройкий характер:

- 1) *регистрационный*,
- 2) *научный и*
- 3) *учебно-просветительный.*

Регистрационный отдел ведет учет всем, как уходящим из жизни, так и входящим в круг поля зрения проявившим себя на различных поприщах деятельности. Отдел составляет *подвижный биографический репертуар*, в котором каждому лицу отводится карточка, заполненная по выработанной Институтом форме. Более подробный материал содержит документационный репертуар, который коллекционирует всевозможные графические выражения, относящиеся к жизни и деятельности того или иного лица (вырезки из газет, стенограммы речей, фотографии и т. д.)

Научный отдел Института имеет целью систематическое всестороннее изучение человеческих биографий с точки зрения дисциплин, имеющих то или иное отношение к человеческой личности. В коллегия этого отдела должны входить представители всех этих дисциплин.

Учебно-просветительный отдел имеет целью ознакомление широких масс с главнейшими результатами систематического изучения биографий. Этот отдел организует систематические лекции, выставки, а также постоянный Музей, знакомящий в наглядной форме с главнейшими результатами и методами этой новой отрасли энциклопедического знания. Музей должен иметь следующие отделы: биографо-документационный, иконографии, графики, психологический, педагогический, антропологический, историко-литературный и отдел наследственности.

Биографо-документационный отдел знакомит с техникой и методикой собрания и хранения биографических материалов.

Отдел психологический знакомит в наглядной форме с техникой и методикой биографического изучения душевной жизни (психограммы).

Педагогический отдел, знакомит в наглядной форме с освещенностью школьников разных стран с великими людьми родины; главнейшие результаты изучения детства по биографическому методу и т. д.

Историко-литературный и др. отделы по различным отраслям, имеющих то или иное отношение к человеческой личности, также в наглядной форме знакомят с главнейшими результатами изучения биографий.

При Институте должна быть библиотека, в которой исчерпывающе и в систематической форме должна быть представлена вся биографическая литература, как русская так и иностранная. Ближайшей задачей работы Института должны быть учет и

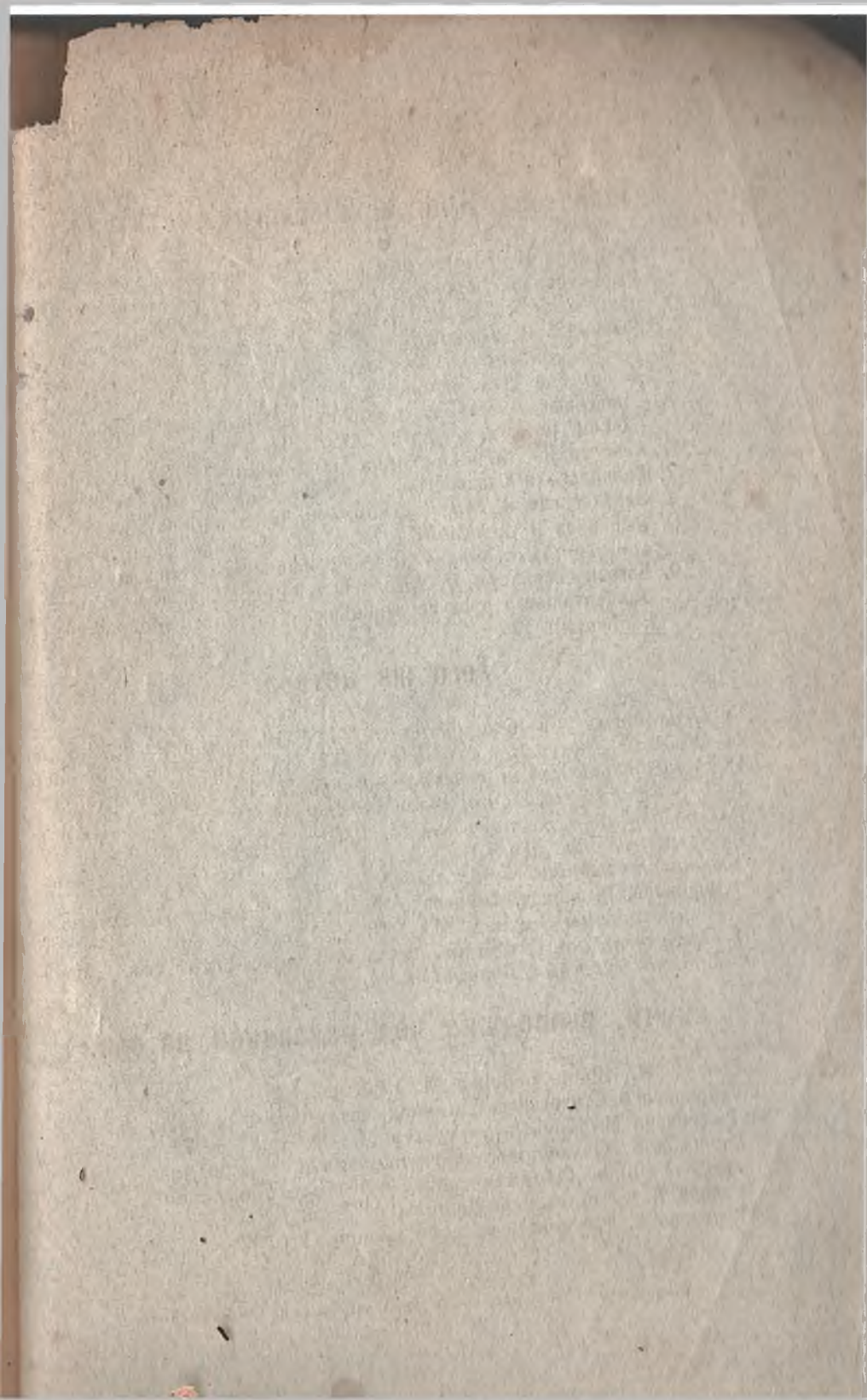
систематизация всей русской биографической литературы. Результатом же работы в этом направлении должен быть выпуск систематического указателя русской биографической литературы. С результатами своих работ Институт должен знакомить путем периодического выпуска журнала—„Биограф“.

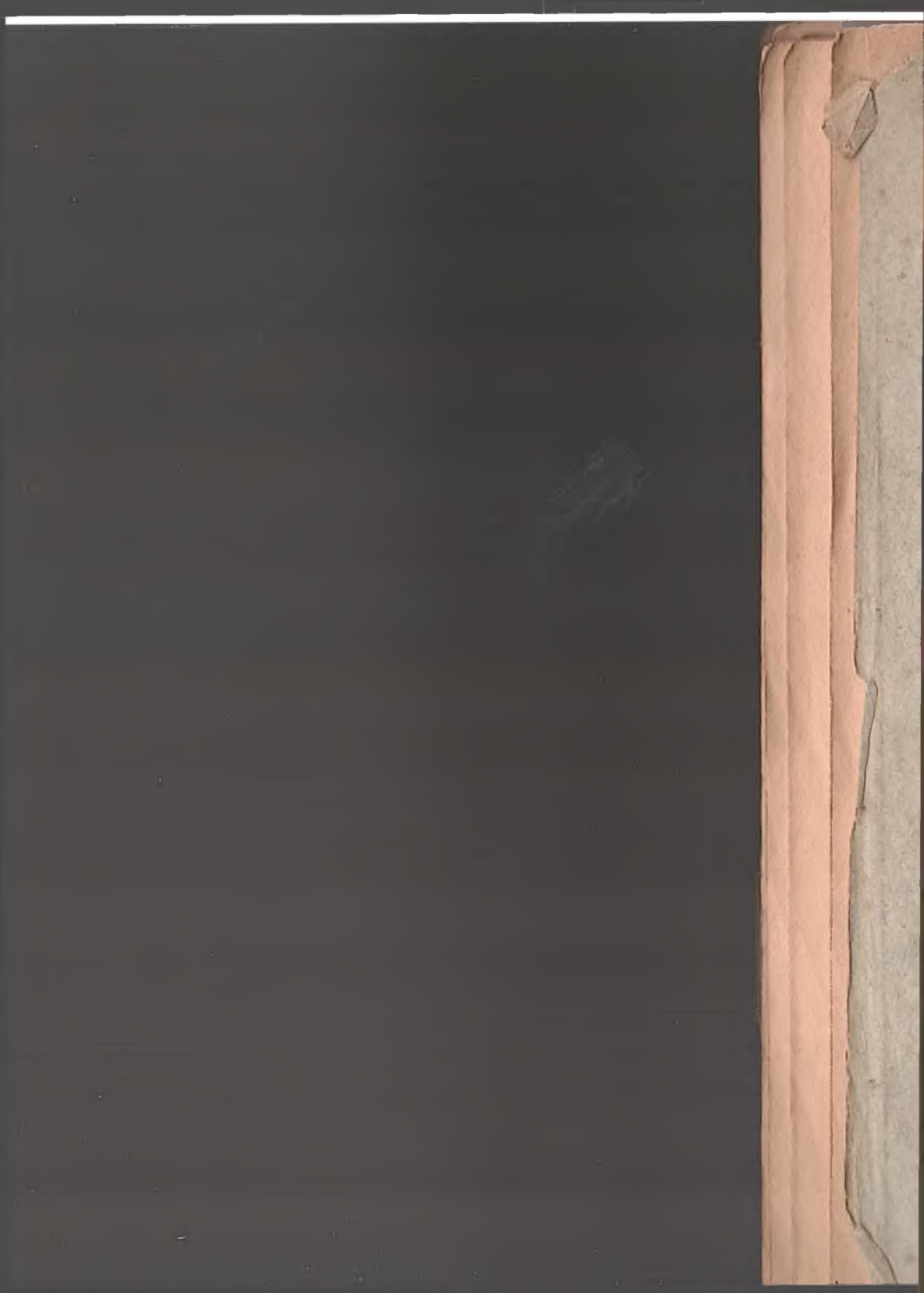
Уже удалось сделать первые шаги по части осуществления некоторых задач Института. Так, начата работа по составлению систематического указателя биографической литературы. Вместе с тем начата работа по собиранию и изучению „человеческих документов“. По мере хода этой работы, Институт имеет в виду выпускать свои труды, выходящие под общим названием „Библиотека Биографического Института“¹⁾.

¹⁾ Для всякого рода запросами и указаниями следует обращаться по адресу: Москва, д. 14, кв. 11. Москва, Н. А. Рыбникову.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ.

- 1) Жоли, Г. пр. *Психология великих людей*. Изд. Павленкова, СПб. 1894.
- 2) Лозинский Евг. *Герои и героическое в воспитании „Русская Школа“*, 1911 № 1.
- 3) Лозинский Евг. *Воспитание возжей* „Педагогический Сборник“ 1912. № 10, 11 и 12.
- 4) Карлейль *Почитание героев и героическое в истории*.
- 5) Оствальд В. *Великие люди* СПб. 1910.
- 6) Смайльс, С. „Характер“, „Саморазвитие“, „Биографические промышленных деятелей“.
- 7) Мастрюков А. „Пишите книгу своей жизни“.
- 8) Рейс Р. А. *Словесный портрет* М. 1911.
- 9) Эмерсон Р. *Избранники человечества* М. 1912.
- 10) Фрейд З. *Леонардо да Винчи* М. 1912.
- 11) Вахтеров В. П. *Основы новой педагогики*.
- 12) Вайнингер О. *Пол и характер*.
- 13) Гейшанс Г. *Методы специальной психологии*. Новые идеи в философии. Сб. 9. *Психология женщины*.
- 14) Лазурский А. „Классификация личностей“, Жур. Мпн. Нар. Пр. 1915. № 5, 6, 7 и 8; „Очерк науки о характерах“.
- 15) Рыбников Н. „Биографический метод в психологии“, „Деревенский школьник и его идеалы“, „Психология и выбор профессии“.
- 16) Чиж. „Психология русских праведников“ Вопр. Фил. и Пе. книги 84 и 85, „Пушкин, как идеал душевного здоровья“.
- 17) Ключевский В. О. *Древне-русские жития святых, как исторический источник* М. 1871.
- 18) Крживицкий. *Профессиональные типы* „Совр. Мир“ 1909 № 4, 6 и 11.
- 19) Эснирос. *Мученики и герои прошлого*.
- 20) Лазурский и Франк. *Программа исследования личности в ее отношении к среде* Рус. Шк. 1912.
- 21) Stern W. *Defferentielle Psychologie*.

Цена 15 руб.

Библиотека Биографического Института.

- Вып. 1. Рыбников Н. *Биографии и их изучение*, ц. 15 руб. М. 1920.
" 2. Рыбникова М. *Горбовская хроника* (По архиву семьи Цуканых) ц. 5 р. М. 1919 г.
" 3. Рыбников Н. *Биографический Институт*, ц. 50 к.
" 4. *Систематический указатель русской биографической литературы* (гот. к печати).
" 5. „Биограф“ Альманах, посвященный вопросам изучения биографий (гот. к печати).
" 6. Соколов Н. *Жизнь ребенка* (по дневнику отца) ц. 2 р. М. 1918.
" 7. Гаврилова и Стахорская. *Дневник матери* ц. 1 р. 75 к.
" 8. Златковская Н. *Записки матери* (гот. к печати).
" 9. Рыбников Н. *Введение в изучение ребенка* (программа для собирания материала по биографическому методу).
" 10. Богоявленская В. П. *Матвеева*. Биография (гот. к печати).
" 11. *Замечательные русские женщины*. Сборник биографий (гот. к печати).

Того же автора.

- 1) *Психология и выбор профессий* М. 1919 ц. 5 р. 25 к. 2-ое изд.
- 2) *Введение в изучение ребенка* М. 1918 ц. 1 р. 75 к. 2-ое изд.
- 3) *Религиозная драма ребенка* 3-е изд. М. 1918 ц. 80 к.
- 4) *Деревенский школьник и его идеалы* М. 1916 ц. 1 р.
- 5) *Биографии и их изучение* М. 1920 ц. 15 р.
- 6) *Язык ребенка* (печат.)
- 7) *Детские игрушки и их выбор* (печ.)
- 8) Корнилов, Рыбников, Смирнов *Простейшие школьные психологические опыты* 3-е изд. М. 1918 ц. 2 р. 75 к.
- 9) *Психотехника*. (Этюд по прикладной психологии) гот. к печати.
- 10) *Биографический Институт* М. 1918 ц. 50 к.

Книги, вышедшие под редакцией автора.

- 1) Соколов Н. *Жизнь ребенка* М. 1918 ц. 2 р.
- 2) Гаврилова и Стахорская. *Дневник матери* ц. 1 р. 75 к.
- 3) Рыбникова М. *Кружки учащихся* М. 1910 ц. 1 р. 75 к.
- 4) Спасская К. *Самоуправление учащихся* ц. 1 р. 20 к.
- 5) *На распутьи*. Сборник статей о выборе профессии ц. 7 р. 50 к.
- 6) Павлов П. *О профессии юриста* ц. 75 к.
- 7) Клетнова Е. *Изучение родного края* ц. 1 р. 85 к.